

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Эл Ригби

#НОЧЬ ЗА НАШИМИ СПИНАМИ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Когда на твоих глазах убивают напарника, это трудно пережить. Если с ним теряешь крылья, пережить это почти невозможно. Я до сих пор не уверена, что смогла. И я знаю точно: та смерть не была случайной.

Тайны заперты в старом дневнике. Тайны прячут политики, для которых я и все, кто заменил мне семью, – опасные монстры. О тайнах шепчут Мертвые Ангелы, спускающиеся с неба каждую ночь.

Мы ищем ответы. Рано или поздно найдем все до единого, как бы нам ни мешали. Может, последний принесет хоть немного покоя, а может – только голодное разрушающее пламя, которое уничтожит нас и все, что мы защищаем.

Потому что некоторые улицы нашего города даже днем ведут в кромешную тьму, а некоторые его тайны лучше не разгадывать.

Эл Ригби

Ночь за нашими спинами

Что говорит Закон Джунглей? С начала ударь, а потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен.

(Р. Киплинг, «Братья Маугли»)

© Эл Ригби, 2016

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пролог

Семь тайн

Тайна первая

Падение было быстрым: его торопили космические ветры. Они гнали объект вперед, к единственному островку жизни, перекидывали друг другу, словно дельфины, играющие в мяч.

У земли ветры заскучали и сгнули. Объект – небольшой, размером примерно с корзинку для кошек, – рухнул в густые заросли. Вспыхнул, оставив круг выжженной земли, погас с коротким гудящим звуком и затих. В небе сверкали созвездия – треугольник, длинный зигзаг и колесница. И еще одно, состоящее из нескольких ломаных линий, белое, с пронзительно-голубой альфой в середине.

Падения не заметили: горожане не смотрели в окна ночью и тем более не выходили на улицу. После восьми занавески всегда задергивались, жалюзи – опускались. Но почти в каждом городе встречаются люди, которым, чтобы видеть, не нужны окна. И этот не был исключением.

– Сигнал V-34678, уровень тревоги желтый. Господин капитан, объект между Северным пустырем и чертой города.

– Зона *Диких Пуль*?

– Так точно.

– Проснулись?

– Нет, сэр.

Голос молодого радиста Северного гарнизона подрагивал, хотя парнишка явно старался это скрыть. Похвально, что старался, скверно, что не смог.

Тот, кого солдат почтительно называл господином капитаном, усмехнулся. Его не удивляло, что радист не рвется покинуть наблюдательный пункт. Не хочет и понимает, что придется. Но... может быть, сегодня ему повезет?

– Уточните координаты, отправляюсь сам. До связи.

В конце концов, у него не было планов на вечер. Вообще, их никогда у него нет. Облегченный вздох на том конце и короткое «Вас понял». Вскоре автомобиль – черный джип военного образца – зарычал, глуша зычный лай сторожевых доберманов. Господин капитан не взял сопровождения. В нерабочее время он предпочитал рисковать только собственной головой.

В зеркало заднего вида он в последний раз бросил взгляд на то, что осталось за спиной. Элитный правительственный поселок «Аквилон» раскинулся на северо-востоке, у самого края Коридора. К дальним заборам уже подступала *предельная тьма*. Пятна звезд блестели над ней, словно плавали в мазуте.

Координаты передали через две минуты. Добраться до места оказалось просто: достаточно было обогнуть северную окраину города и остановиться, не доезжая две с половиной сотни метров до конца *пустыря*. Там, среди мусора и мутировавших растений, чужеродный объект можно было не заметить. Если не знать, что искать.

Мужчина остановил джип, надел шлем и проверил винтовку. Затем вышел и неторопливо направился вперед. Он шагал осторожно, с кошачьей мягкостью, и постоянно ждал одного вполне определенного звука. Но пули молчали. Сегодня они, возможно, спали.

Вскоре он обнаружил ее – продолговатую металлическую капсулу с двумя распластанными по земле остроконечными крыльями. Правое переломилось пополам. Капсула была гладкой: без кнопок, трещин, следов соединения деталей. Она напоминала, пожалуй, яйцо. Мужчина наклонился, потом присел. Едва он вытянул обезображенную шрамами руку, как капсула дрогнула.

Он ждал как ледящего холода, так и обжигающего жара, но ничего не ощутил. Только увидел: во все стороны от ладони побежали лучи маленького оранжевого солнца. И тишина оборвалась.

Что-то было сказано на незнакомом языке, что-то – на родном русском. У корабля – а теперь мужчина практически не сомневался, что перед ним корабль, – был анализатор речи. И то ли северный язык колонии землян был слишком сложным, то ли система сломалась. Разобрать удалось лишь:

– ...не стать как мы.

Передняя часть капсулы поднялась и начала отъезжать вбок. Огненно-рыжая девочка, очень похожая на человека, мгновенно проснувшись, протянула к мужчине когтистые ручки.

Он посмотрел на выжженную землю вокруг. Потом увидел искорки в глубине зеленовато-голубых глаз и неожиданно для самого себя улыбнулся.

Он уже знал, как будут звать эту малышку.

Тайна вторая

Он не справился. Даже не пытался. Когда он вырвался из опустевшего дома и с истощенным воем понесся вперед, сначала мимо кукурузных полей, а потом через лес, он не ощутил никакой радости.

Говорят, такие, как он, – свободные создания. Говорят, они сильны и быстро забывают боль. Говорят, это опьяняюще прекрасно – *быть волком*. Но не для него.

Когда его покинули, он потерял голову и сердце. Как-то многовато, особенно если тебе шестнадцать и тебя приручили. С каждым разом луна все сильнее давила на него, и эта – багровая и глумливая – заставила принять окончательное решение. Пора было кончать. В конце концов, рано или поздно он просто станет опасным. Уже сейчас по окрестным фермам ходят слухи, что кто-то нападает на соседский скот. Не стоило ждать, когда вместо овцы ему повстречается ребенок.

Он несся, раздирая лапы о коряги, царапая бока ветками, – низкими, упругими, влажными от прошедшего дождя. Все равно, что это будет: пуля, машина, другой зверь или речное течение. Хоть что-то, только бы скорее.

Хищник в его сознании вдруг учуял что-то. Вздыбилась шерсть на загривке, а зубы сами собой оскалились. Неясная угроза.

Он понял, в чем дело, уже через несколько секунд, когда лапы рефлекторно вжались в землю.

Впереди была непроглядная тьма, даже на фоне густого леса она казалась черной, как уголь. Чернее угля. Предельной. Когда он пригляделся к ней, она вдруг поманила его.

Беги домой, звереныш. Скорее.

Волк противился. Волк плевать хотел на то, что в шестнадцать иногда не хочется жить. Человек же рвался и победил. Должен же он был одержать хоть одну победу в своей гребаной сломанной жизни?

Оборотень толкнулся лапами и побежал.

Тайна третья

Девочка смотрела на свое лицо в зеркало и улыбалась. Возможно, она еще дышала только благодаря этому.

Вчера ей разбили губу и сильно поранили шею во время боя. Потом отвели в комнату к высокому тощему старику. Она не запомнила его лица, лишь разглядела, что волосы у него торчали, как перья у вороны, от него пахло ментолом и куревом, а голос был приторный и низкий. А еще в память врезались его руки. Так что сейчас с большим усилием она сдерживала слезы, к тому же ее подташнивало.

– Шестая! – Голос прозвучал с той стороны двери. – Внеплановый бой, тринадцатая слилась! Давай сюда!

Осталось немного. Совсем немного. Пара переломанных спин. Ничего, она потерпит.

Босая девочка с завязанными в хвост волосами, одетая в черную футболку и штаны, наконец вышла. Шаховского уже не было. Лех ненадолго сжал ее руку:

– Береги себя. Используй все удары, которым я тебя учил.

Леху было чуть больше двадцати. Девочке всегда нравилось смотреть в его зеленые светлые глаза. Хотя бы потому, что он никогда не раздевал ее взглядом. И еще потому, что фраза «Береги себя» определенно не была девизом этого места. Здесь чаще говорили: «Сделай или сдохни».

– Все схвачено. Скоро.

Он поцеловал ее и бережно обнял. От него не пахло ментолом, но тошнота не проходила.

– Я могу... пожелать тебе что-нибудь?

Она улыбнулась, глядя на двухметрового молодого мужчину снизу вверх.

– Как всегда. Остаться в живых.

Тайна четвертая

– Если я дам команду, падай!

– Хорошо, Крейг, – прошептал мальчик.

Старший понимал, что младший будет плакать. Он и сам бы на его месте плакал. Если подумать, то, что произошло с ними, было...

...немыслимым.

– Крейг, мне страшно.

Он оглянулся. Самолет дымился в загаженном болотной жижей овраге. Теперь он неисправен, и мистер Джонс его явно не получит. Да и куда бы они сейчас полетели?

Крейг прищурился, напряженно глядя дальше, за овраг, – туда, где сплошная стена тьмы

тонула в хмуром небе. Черное рядом с серым. Бесконечное. Злобное.

Он постарался улыбнуться и покрепче сжал влажную холодную ладошку брата.

– Мы выберемся. Пойдем, поищем людей.

Несколько зданий, маячивших впереди, совсем не напоминали дома. Белые, построенные из трубчатых блоков, поблескивающие, как снег, они не имели окон и были покрыты паутиной. В каждом помещении встречало одно и то же – пустота, пыль и странный запах. Жженая пластмасса, что-то подобное. Там, где когда-то обитали люди, не может так пахнуть.

Они выбрались к огромному пустырю. Земля здесь была каменистая и жесткая. Редкими плешивыми клочьями росла полынь, кое-где тянулись вверх уродливые зеленые листья и зонтики цветков. Пустырь простирался далеко.

– Там... могут быть другие дома, Крейг?

Место было открытым и казалось совершенно безопасным. Поколебавшись, он кивнул, а спустя какое-то время предложил:

– Пробежимся? Представь, что это бейсбол. Нужно попасть в зону. Давай. Раз. Два...

Когда они побежали, Крейг не почувствовал сопротивления ветра. Совсем, ни капельки. Бежать было легко, и не оставалось сомнений, что вскоре начнется какая-то перемена в ландшафте. И...

Свист. В одну секунду этот звук перекрыл все остальные.

– Падай!

Он резко толкнул брата на землю, и тот сдавленно вскрикнул. Это был не свист ветра. Свистели пули.

– Не двигайся! Что бы ни случилось, не...

Это было последнее, что он успел сказать. Последнее, что успел почувствовать, – жжение в груди, легкое, как будто ужалила пчела. Но здесь, в мертвом воздухе, не чувствовалось запаха цветов, значит, не было пчел.

– Крейг!

Старший брат лежал ничком. Младший потрогал его руку, потом шею. Пульса не было. Он уже успел стать скаутом и знал, что это значит, – когда пульс не прощупывается.

Он лежал еще долго, а пули свистели и свистели над головой: иногда пролетая совсем низко и задевая растрепанные светлые волосы. Потом все стихло. Мальчик пополз вперед.

Тайна пятая

– Девчонка опасна?

Фигура в зеркале покачала головой.

– Она крайне глупа. Вряд ли когда-нибудь поймет, что ей *в действительности* доверили.

Не скрывая недоумения, собеседник вежливо приподнял брови:

– Тогда почему ты так ее боишься? Я навел справки. Если не брать в расчет того, кто ее защищает...

Волны черной ряби пошли по стеклу, окончательно скрыв отражение. Тот, чей силуэт темнел на его месте, ослабил и сложил руки на груди.

– Я не боюсь. Я хочу получить то, чем она владеет. Без остатка. Такие дары не должны доставаться людям. Когда-то я неосторожно создал похожий дар сам и теперь... как видишь,

расплачиваюсь.

– Хм. Кажется, я слышал подобное о яблоках с одного старого-старого дерева в старом-старом саду.

В зеркале усмехнулись. Шутку поняли. И, вполне возможно, оценили.

– Согласен?

Он закусил губу. Что-то его останавливало, буквально свербило в мозгу. Забавно... ему казалось, что его уже не остановит такая ерунда, как...

...человечность?

– Она маленькая. Не хочу делать этого сейчас.

В зеркале протяжно рассмеялись. Он ждал, что разговор будет окончен прямо сейчас, но неожиданно смех сменился ровным голосом:

– Ладно. Не спеши. Мне тоже нужно время.

– Сколько?

– Несколько лет. Будет даже лучше, если *она* окрепнет.

Он улыбнулся. Как ни странно, небольшая поблажка чертовски воодушевила его. Он оттянул ворот рубашки, сделал глубокий вдох и деловито посмотрел на часы.

– Славно. По рукам.

Поверхность зеркала снова зарябила. Силуэт приблизился, стал четче. Когда бледная жилистая кисть, унизанная кольцами, вынырнула из черного стекла, пожатие было до боли крепким. На ладони остался багровый ожог. Зеркало треснуло вдоль, наконец снова показав отражение. Отражение не улыбалось.

Тайна шестая

На дальнем конце пристани стояли двое, а городское озеро – Большая Вода – бесновалось неподалеку от их ног.

У молодого были длинные темно-русые волосы и перепачканные в краске ладони. Поднося ко рту покрасневшие пальцы, он с самым безмятежным видом грел их дыханием. Высокий седой мужчина рядом, скрестив на груди руки, рассматривал картину – остров в море за полярным кругом. Белый участок суши среди темной ряби, с канареечно-желтой полоской нелепых одуванчиков вдоль берега. Менее уместными одуванчики были бы только здесь – в городе вереска и полыни, под боком царства тьмы. Впрочем, *Художник* всегда питал слабость к абсурдным полотнам.

– Что бы ты предложил? – прозвучал низковатый, но чистый и необычайно ясный голос.

– В некоторых уравнениях, – отозвался мужчина и лукаво поднял брови, – неизвестные переменные лучше дольше держать в тайне. Помнишь?

– Я удивительно слаб в математике.

Они улыбнулись так, как улыбаются прекрасно понимающие друг друга люди. *Художник* стал убирать краски в деревянный ящичек. Поднявшийся ветер сильнее растрепал его волосы и вздыбил полы джинсового плаща. Одежда бродяги, взгляд блаженного – все как с картинки. Только за пояс заткнут большой разделочный нож.

В небе мелькнул силуэт. Белая, окутанная саваном спутанных прядей фигура исчезла среди облаков так же стремительно, как появилась. Мужчина посмотрел ей вслед. Потом бросил взгляд на воображаемую линию горизонта – туда, где уже не было ничего, кроме

черной стены, разрубавшей пустое поле.

– Пора. Нужно отвезти вещи. В «Алую звезду», будь она неладна.

Художник оглядел стоящую у ног мужчины спортивную сумку. Она была чуть приоткрыта, оттуда торчала обложка какой-то тетради.

– Ты нашел там кого-то?..

– Да.

– А если...

– В конце концов, ты еще не надрал мне зад. Это что-то значит, так?

Художник промолчал и застегнул плащ – на левом запястье мелькнул хорошо знакомый сквозной шрам.

– Хорошо. Попробуй.

Он отвернулся и снова стал смотреть в темноту.

Тайна седьмая

У девушки не получалось даже ползти. Она опустила голову, и волосы упали на лицо. Вдруг она почувствовала запах влажной травы – острый, отчетливый и сладкий. Как и всегда в начале лета, в траве всюду синели крупные колокольчики. Так пахла сама просыпавшаяся жизнь, прежде чем ускользнуть сквозь окровавленные пальцы.

Она свернула не там. Ошиблась, когда оставалось совсем недалеко. Как, как она могла, она ведь знала эту дорогу и все указатели на ней, она ездила здесь почти каждый день. Впрочем, ее предупреждали.

Езди поосторожнее на своем чудовище. Пожалуйста.

Мотоцикл, лежавший на боку, напоминал раздавленное насекомое и слегка дымился. Пошел дождь, что было вполне ожидаемо: утром о нем сообщали в сводках. Как и об аномально низком давлении и резких порывах западного ветра.

Она зажмурила глаза и не видела, как в глубокой расщелине в камнях сгущается туман. Уплотняется. Складывается в силуэт.

– Вот и ты...

Он неподвижно ждал, пропуская сквозь себя дождевые струи. Стрелка на *ее* часах двигалась все медленнее, но ни в коем случае не должна была останавливаться. Он знал: то, что предстоит сделать, требует *научной* точности. Девчонке самой бы понравилось. О да, если бы здесь можно было вывести формулу, маленькая дрянь бы постаралась, вместе со своим дохлым дружкой.

Мотоциклистка в последний раз дернулась и обмякла. Он приблизился к ней и наклонился. Нужно было лишь успеть до того, как явится какая-нибудь шавка из *верхних* или из Ставки Духов. Сил должно было хватить, путь был недалеким.

Другая девчонка, в другом месте, безмятежно смеясь, рисовала мелом на полу.

Часть I

Сезон цветущего вереска

«Каждая несчастливая семья...»

Есть слова, от которых будто бы скверно пахнет. Иногда они обозначают что-нибудь мерзкое, иногда просто неблагозвучны, но иногда вполне обычны. Для меня такое слово – «герой». Цельная, сильная, безликая личность, работа которой – кого-то спасать. И если иначе никак, то умирать. Надеяться на себя, не иметь защитников. Быть карающей рукой справедливого мудрого правительства. А если не справедливого и не мудрого – какое попадется.

Еще это слово очень близко по звучанию к слову «героин», который доставляет таким, как я, немало неприятностей. Ну и последнее... это слово обозначает мою работу. Я не про героин, конечно. Хотя и про него тоже.

На планете Земля, если она, конечно, правда существует или существовала, нас назвали бы именно так. Герои. Лига Выдающихся Кулаков, Общество Храбрых Задниц. Мы разъезжали бы на дорогих машинах и выступали в ток-шоу. Несомненно, у нас были бы поклонники всех возрастов. Люди бы покупали майки и кружки с нашими фотографиями, и, наверное, на моем холодильнике – а у меня непременно был бы холодильник – висело бы с дюжину самых удачных портретов, нарисованных малышами в школе. На них была бы я. Рыжая и крылатая.

О нас придумывали бы истории – вроде тех, из которых я и узнала, кто такие герои. Пестрые тонкие книжки о них валялись одно время в кладовке приюта и в туалетах. Комиксы, кажется, так они называются. А потом комендантша собрала их и сожгла во дворе. Но я все запомнила. И машины, и кружки, и ток-шоу, и поклонников.

Да. На Земле, наверное, чертовски круто быть героем.

Но не здесь.

Не в Городе, которому не дали даже имя, когда он наспех строился из самых дешевых шлакоблоков, кирпичей и бетона. Не там, где ничему не удивляются, ни о чем не жалеют и ничего не ждут.

Здесь герои – галочка в правительственных бумагах. Проект, в который вложили немного денег, потому что много у оппозиции нет. И от которого теперь боятся избавиться, потому что Город – как больной неизвестной заразой: никогда не знаешь, что сделает ему хуже.

Если вдуматься, место, в котором мы живем, на самом деле не особенно страшное. Здесь есть то, что, по всем учебникам, нужно для жизни среднестатистического биологического вида, для функционирования целой экосистемы. Воздух. Свет. Вода. Тут есть солнце, но ненастоящее, а точнее, носящее какое-то другое имя. Солнцем звезду назвали по *земной традиции* – как и многие другие вещи, которые у нас есть и которые, скорее всего, куда хуже своих оригиналов.

Как бы большая бледно-желтая звезда ни называлась по-настоящему, она нас греет. Дает нам жизнь. Как и положено, каждый день где-то по восемь часов она отработывает свою повинность, а потом облегченно, резко падает вниз. Отправляется пить кофе, наверное, – у нас ведь все это делают. Вместо нее вылезают четыре маленьких кругляша – «луны», которые носят странные имена: Октябрина, Варлен, Джорджина и Линкольн.

Все действительно происходит очень быстро. Говорят, на Земле не так. Там есть время рыжего неба – закат. Время розового неба – рассвет. Жаль, я не видела ничего подобного, должно быть, это красиво. Еще говорят, земное Солнце вращается чуть быстрее и находится

чуть ближе, поэтому им, живущим там (если там все же живут), – теплее. Всегда.

В остальном мы от них не отличаемся. У нас здоровая, сбалансированная, нормальная жизнь. Нормальное место – наш Город, в чем-то славное, а летом даже уютное.

Только ему тут, наверное, одиноко.

Конечно, есть Юг. Территория протяженностью шестьсот километров, где живут фермеры и расстилаются поля, которые нас кормят. Там расположены стеклянные позвоночники оранжерей и тянутся канавы с водой на случай довольно частых пожаров. Там есть скотобойни и пасеки, рыбные пруды и виноградники. Там все чем-то заняты, и, может, поэтому там меньше психопатов.

А дальше? Дальше темнота, куда не проникает ни солнце, ни яркий прожектор, ни огонь – даже если загорится приграничное поле. *Тьма предельна*. Она окружает нас со всех сторон, и именно ее называют Коридором. Бесконечным и глухим, без стен и просветов.

Говорят, с северной стороны Города в Коридоре есть ворота. Одинокая железная конструкция, отчетливо различимая за несколько десятков метров. Если попытаться ее обойти, встретишь все ту же темень. Пойдешь дальше – не найдешь обратной дороги. Есть немало историй о заблудившихся и погибших или вернувшихся, но спятивших. В моем приюте такое рассказывали каждую ночь, и с каждым разом байки звучали все страшнее и страшнее. Но по-прежнему остались те, кто считает, что именно эти ворота, ворота Ужаса, и есть дверь в конце Коридора. Дверь куда-то наружу. А то, что Коридор этой дверью не заканчивается, просто недоразумение.

Впрочем, сейчас люди перестали туда ходить. Они боятся *диких пуль*, свистящих над пустырем, который отделяет нас от тьмы. Боятся потеряться или кого-нибудь встретить. В Городе хоть ненамного, но безопаснее. А темнота... пусть остается тайной, городской легендой, секретом солдат и политиков. И детской сказкой, которой пугают новичков приюта «Алая звезда», а новенькие там – не редкость.

В Коридор не ходим даже мы, герои. Официальным языком – сотрудники Отдела профилактики особых преступлений, одного из подразделений Городского Департамента Безопасности. Языком некоторых политиков – *боевая свора*. Правда, все это только слова. На деле нам куда чаще приходится раскрывать особые преступления, чем обеспечивать их профилактику. Если бы в Городе хоть что-то предотвращалось, легче было бы всем. А если бы мы были *сворой* с надлежащими полномочиями... многое было бы проще.

Наш штаб – в самом сердце Города. Мы – что-то вроде одного из его предсердий, а может, желудочков. Иначе почему мы проводим на работе большую часть времени, хотя у многих есть дом, а у кого-то – даже что-то вроде жизни?

Впрочем, кого это волнует... Личная жизнь здесь – такая же условно существующая вещь, как и Земля. Зачастую лучше, если ее нет, так меньше разочарований.

Как у меня.

* * *

Я спускаюсь по лестнице тихо, внимательно вслушиваюсь в каждый звук. Настроения общаться с напарниками нет, как часто бывает со мной в последнее время. И лучшее подождать, пока это пройдет, чем кого-нибудь убить. Притворяться веселой получается скверно. Ну же, Эш, постарайся. Еще чуть-чуть – и ты доберешься до кухни, где никого не

должно быть, зато осталась целая банка какао. Половина пролета, пара поворотов и...

Пахнет цветами. Хм, скверный знак. Подтверждая мои опасения, прямо перед моими глазами возникает огромная тигровая лилия на длинном гибком стебле. Вот же зараза! Я машинально шарахаюсь с криком:

– Дэрил! Черт бы тебя...

Он стоит в картинной позе – облокотился на перила, также обвитые зелеными побегими. Проникновенно таращится исподлобья, не хватая лишь звериной шкуры на бедрах. Хозяин лесов, альфа-самец, мать его...

– О, Огонечек! И почему же мы такие хмурые?

Очередная лобовая атака, которой позавидовал бы профессиональный регбист. Очень приятно, Дэрил – мой коллега и мой бывший. Высокий темнокожий брюнет с улыбкой, которую можно зарегистрировать как отдельный бренд. На нее ведутся многие девочки, но я – давно уже нет. Может, поэтому он никак от меня не отстанет?

– Двинем в ночной патруль вместе? Шеф поставит, я попрошу. Зарулим в ресторанчик на Шмидт-стрит? Нигде больше так не готовят кролика в апельсиновом соусе. Ты же... любишь апельсиновый соус, правильно?

Куда больше, чем тебя.

Я молчу. У меня настолько плохое настроение, что неохота даже портить его другим. Тем более человеку, который, как всегда, уверен в своей неотразимости и в моей тщательно скрываемой страсти. Я усмехаюсь: ну и пусть. Я давно переболела. И даже к лучшему получить подтверждение того, что меня подташнивает от одного вида этого типа.

– Окей, Дэрил. Подумаю, – отвечаю спокойно и даже позволяю ему поцеловать меня в щеку. – Звучит соблазнительно.

«Ради всех святых, сделай так, чтобы где-нибудь что-нибудь взорвалось, чтобы ограбили банк, чтобы напали лягушки-зомби... главное, чтобы я оказалась непременно там нужна. Или я придушу этого типа, а кролика затолкаю ему в задницу. Вместе с апельсиновым соусом».

Так я возношу безмолвную благочестивую молитву, а мои губы сводит от дежурной улыбки.

– Убери цветы, я чуть не навернулась. Не шути так.

Еще поцелуй в щеку, и запах одеколona совсем невыносимо бьет в ноздри. Чихаю, отпихиваюсь. Фу. Всех целует, со всеми ходит в «ресторанчики», запоминает, кто какой соус любит. Удивительная, доходящая до помешательства любовь к бабам. Когда Грин в очередной раз отпускает пошлую шутку в мой адрес или просто поводит бровями, я жалею, что не родилась мужчиной. Или не стала лесбиянкой. Хотя последнее, наверно, не спасло бы меня.

– Увидимся!

И он, напевая и прищелкивая пальцами, устремляется вверх, к жилому этажу. Причесаться, на помадиться, переодеться? Я рассеянно провожаю его взглядом. Хорошо притворяется, как я снова отмечаю про себя. Очень хорошо. Настолько, что мне завидно.

Дэрил пришел на эту работу из Западного военного гарнизона. Точнее, его сюда перевели по вполне конкретному приказу, наверняка из-за его ненормальности. Мы все здесь того. Неудивительно, учитывая, что все в Городе пронизано энергией каких-то там древних энергетических генераторов, – гигантских цветных кристаллов. Чудеса, откуда бы они ни исходили, создают не только принцесс. Чаще – монстров.

Впрочем, у Дэрила все проще. Еще во время военной службы он опрокинул на себя

контейнер с экспериментальными веществами Биологического Отдела Научной Академии. Они должны были модифицировать почву... а модифицировали Дэрила. Теперь он может хлопнуть в ладоши, и прямо посреди асфальтированной дороги появится дерево. Земля тоже прекрасно его слушается. Он любимец природы, поэтому дело его отца-фермера процветает: у Гринов приживаются растения, которых больше ни у кого нет. Какао-бобы, ананасы, героиновый мак. Для огрызка земли вроде нашего это немалая ценность, так что Дэрил теперь богатенький мальчик. Казалось бы, чудесно, практично, полезно, но... необъяснимо, изредка неуправляемо. А необъяснимое и неуправляемое обычно имеет лишь один синоним.

Опасное.

Дэрилу пришлось попрощаться со своими планами: он несколько лет был членом партии Единства и мечтал выделиться среди безликих рядов ее сторонников, возможно, занять чье-то кожаное кресло. Но в партии не любят ненормальных. В общем-то, в Городе есть лишь одно место, где их любят, – наша организация, где Грин в итоге и оказался. Партийный билет он так и не сдал. Может быть, немного ненавидит нас. Я бы на его месте ненавидела.

Моя «ненормальность» куда менее полезна: в моем распоряжении пламя. Повторяя за моей лучшей подругой, Дэрил зовет меня Огонечек, а в особенно игривом настроении использует отвратительное прозвище «горячая штучка». Он, как и многие, считает, что огонь бежит прямо по моим венам, – там, где у людей кровь. Чушь, я давно все проверила: раскроила палец и увидела на месте ранки вполне обычные алые капли. Тогда мне хотелось верить, что я – человек. Сейчас уже как-то плевать.

Да, я давно не задумываюсь о том, кто я на самом деле, равно как и о том, как меня когда-то звали. Имя Эшри мне наобум дали в приюте, я вполне могла быть Настей, Катей, Джейн или Маргарет. Почти двадцать лет я Эшри, Эшри из ниоткуда. Кстати, на английском – нашем втором после русского родном языке – ash значит «пепел». Фамилию Артурс я позаимствовала из книжки: слепила из имени короля, за которого в детстве мечтала выйти замуж. Для девочки нормально хотеть замуж за героя книги. Да, я люблю читать. Люблю огонь. А еще небо – не так давно я даже умела летать.

Хотя давно, конечно... Просто не верится, что с *того дня* прошло столько времени. Я начала летать еще в детстве, когда пятилетней сорвалась с дерева и в миг падения за моей спиной возникли два огромных темно-рыжих крыла. Если я хотела взлететь, они вырастали, и это сопровождалось легким покалыванием на месте лопаток. Эти крылья сделали мое детство по-настоящему классным. Все было прекрасно, пока я их не потеряла. Да, знаю, мы непременно теряем что-то, становясь взрослыми: старых друзей, веру в чудо, девственность, в конце концов... Но почему я должна была потерять крылья?

Да. В *тот день*. Я не называю его иначе.

В *тот день* мы не ждали ничего серьезного. Желтый сигнал тревоги, посторонние в городском золотохранилище, боевая двойка – я и Лютер Ондраши. Крылатая и с ней вампир – так, по словам шефа, называются создания, питающиеся человеческой кровью. Честно говоря, когда Лютер пришел, это нас напрягло. Но со временем мы обнаружили, что иногда вампир ест и нормальную еду. Например, Лютер любил капусту – мерзкую зеленую дрянью, на которую у меня аллергия.

В *тот день* я спешила прикрыть напарника и получила лазер в спину. Я лежала, уткнувшись лицом в землю, и все равно видела, как его тело, рухнувшее в считанных метрах, рассыпается в прах. Я не знала, что подобные умирают именно так. Будто не умирают, а

становятся тем, чем были изначально – горстью пыли и костей.

В *тот день* многое изменилось.

Не знаю, был ли Лютер, как он сам обмолвился при первой встрече, «порождением тьмы» или просто жертвой каких-нибудь экспериментов, как Дэрил. Но он определенно был классным. Немного заносчивым, чуть-чуть занудой и уж точно не от мира сего. Зато мозги у него работали. Он смотрел на нас, как на грязь под ногами, но оставался удивительно надежным напарником. До *того дня*.

...Нас не предупредили, что за золотом послали роботов, которые тогда еще были в новинку, – это сейчас они наводнили город. У роботов были с собой винтовки, пистолеты, две мини-бомбы и... *один арбалет. С осиновыми*, мать их, стрелами.

На каждого из нас составлено закрытое досье. Имеющих к нему доступ можно пересчитать по пальцам. Кто, черт возьми, кроме шефа и нескольких политиков был в курсе, как опасна для Лютера такая древесина? Об этом не знала даже я. В первый миг я даже не поняла, почему Ондраши, как обычно, не вскочил и не выдрал стрелу из себя одним ленивым движением...

У рыжеволосой девушки, поступившей в госпиталь в тяжелом состоянии, была глубокая рана на спине. А потом наступили несколько месяцев попыток собрать себя заново. Получилось. Раны затянулись, перья выросли, шрам легко спрятать. Но на самом деле та девушка умерла. А я воскресла, только есть одна проблема... я воскресла совсем другой. Я разучилась летать.

Наверное, дело в панике. В бесконтрольном страхе, который не дает крыльям появиться, – ведь я упала с большой высоты, и упала с осознанием, что кто-то объявил войну. Мне. Лютеру. Всем, кто стал моей семьей.

Эта семья – шеф и остальные – приняла меня обратно без слов. Они ни о чем мне не напоминают и ни в чем меня не винят. Они держатся за меня, как и я за них, и, кажется, стараются забыть случившееся. Живут дальше, тянут за собой, но... Я никак не оставлю слабую надежду, что когда-нибудь снова смогу. Снова буду летать.

Просто летать, мне не надо больше ничего, разве я многого прошу?

– Я в это верю.

От тихого звука голоса я вздрагиваю второй раз за вечер. Чуть не спотыкаюсь, чудом избегаю участи разбить рожу об лестницу, хватаюсь за перила.

– Твою мать...

Но мои слова звучат не так уж злобно. Это же...

– Извини, Эшри. Случайно тебя услышал. В последнее время мне везет на такое.

Передо мной стоит Джон Айрин, только что появившийся прямо из стены и переставший быть прозрачным. Волосы собраны в хвост, бледная кожа, свитер с высоким горлом. Все как обычно: мирно, безопасно и все равно до ужаса впечатляюще. И конечно, никаких упоминаний прозвищ, только имена. Спешно пытаюсь улыбнуться, так же спешно гашу пламя, вспыхнувшее вокруг правой руки:

– Ох... Привет.

– Мы виделись. Ты утром опрокинула на меня кофе.

– А ты утром читал мои мысли. Это невежливо.

Джон кивает и делает вид, что ему стыдно. Он – телепат. Вообще, у него немало и других необычных способностей, фактически полный набор, который в досье занимает десять-двенадцать строчек. Пожалуй, в нашей команде Айрин сильнее всех, и большинству

он успел не раз спасти задницу. Но и это в нем не главное. Существует другая причина, почему я не убью его за то, что чуть не обделалась.

Дело в его спокойном голосе и располагающем взгляде. Видимо, такова особенность его расы, не зря наш шеф, посмеиваясь, говорит, что она была высшей. Только посмеивается он как-то зло. Впрочем, шеф из тех, кто не особо верит в пользу сочувствия и понимания. Он верит в силу. Делает из нас солдат так же, как раньше делал в Восточном гарнизоне, пока его не перевели. Джон же... Джон ничего из нас не делает. Джон – просто невидимая, тихая тень. Тень, которая всегда вовремя оказывается рядом.

– Ммм... как дела?

– Ммм... как всегда.

Я киваю и, слегка пожав плечами, спрыгиваю с последней ступеньки. С обычным любопытством оглядываю Джона с ног до головы и тыкаю пальцем.

– Извини. Меня всегда поражает, как ты это делаешь.

И я говорю правду.

В досье Джона Айрина в графе «Общее описание» стоит несколько слов. Ничего не говорящая комбинация букв, которая написана исключительно для галочки.

Антропоморфная раса, неизвестная галактика, мужской пол, возраст в з.г. неясен.

Неясен. Как и остальное. От прошлой жизни Айрина не осталось ничего: ни фоток, ни дневников, ни записей. У Джона нет дома уже очень и очень давно, его планета погибла – в свое время на нее напала какая-то враждебная раса, которая уничтожила тогда немало разумных цивилизаций и чудом не добралась до нашей дыры. Сведения об этом никогда не станут достоянием общественности. Чем меньше людей будет знать о том, что во Вселенной кто-то составляет нам компанию, а возможно, даже мечтает пустить нас на сосиски, тем лучше. Эта информация и так уже просочилась куда не следовало.

Судя по шрамам, Джон защищал свой дом до конца. К счастью, он выжил. Правда, я не уверена, что он счастлив. Довольно трудно быть счастливым, когда ты выжил один.

Мистер Последний из Рода Принц.

Так, с насмешливой интонацией, его зовет Дэрил, но это недалеко от истины. Представители народа Джона рассредоточились по Вселенной, а сам он уже три года здесь. Как и его сестра Анна: она даже вышла замуж за кого-то из местных. И как бы странно это ни было, кажется, Джону тут нравится. Может быть, даже нравимся мы. По крайней мере, я на это надеюсь, хотя, судя по его мозгам, его прежняя родня была намного умнее. Неважно. Просто это, наверное, максимальная благодарность, на которую мы способны. Мы не идеальная семья. Но я-то знаю, что лучше так, чем никак.

– Прости, если потревожил.

Он разворачивается, чтобы уйти, и я удерживаю его за рукав серого свитера – совершенно детским нелепым жестом.

– Подожди, Джон. Ты совсем не... В общем, спасибо. У меня все отлично, просто охрененно, но я не выпалась. Куда ты?

– К нашим. А ты? Не туда? Я слышал, Элмайра приехала.

Черт. Этого-то я и не хочу. Но, пожалуй, будет лучше, если я пойду с Айрином. Какао, одиночество и здоровая ненависть к человечеству могут пока подождать. И я, изображая оживление, бодро киваю:

– Пойдем-пойдем! Послушаем свежие сплетни, которые притащила моя красотка.

Он кивает с серьезным видом, и я закусываю губу. За все время нашего знакомства я

почти не слышала его смеха. Не только над моими идиотскими шутками.

Я вообще мало что знаю о некоторых своих напарниках. Меньше всех – именно о Джоне, не только потому, что шеф каким-то образом ухитряется почти не ставить нас в боевые двойки. Джон не называет себя и сестру прежними именами. Фамилия Айрин тоже ненастоящая, она означает на их родном языке всего лишь «странник». И я не видела Джона в истинном облике; его «каждодневная» внешность мало чем отличается от человеческой. Его выдают разве что несколько заостренные уши, слишком бледная кожа, в которой не хватает каких-то пигментов, а также глаза. Удивительные: в обычное время они синие, но если вдруг Айрин злится, они вспыхивают рыже-алым. Выглядит страшно... Хэллоуин круглый год, причем бесплатно. Я люблю огонь, но только не тот, что живет в глубине зрачков моего напарника. Этого огня я необъяснимо боюсь. Так же, как темных шрамов на виске, на левом запястье и на спине, не исчезающих даже в человеческом, насквозь фальшивом облике.

Дверь открывается; Джон пропускает меня вперед, в просторную комнату, где две стены занимают экраны, демонстрирующие городские локации. Все вокруг болтают. Джон проходит, садится в кресло у окна, самое дальнее от камина: он не любит огонь. Просто ненавидит. Странно, что это не мешает ему терпеть меня.

– Огонечек! – Неподалеку от компьютеров сидит, закинув ноги на подлокотник кресла, моя лучшая подруга. – Где ты была, детка? Я соскучилась!

– Здравствуй, моя престарелая мамочка.

Она с достоинством перекидывает за плечо толстую косу темных, подкрашенных на кончиках фиолетовым, волос.

– Не надо дразниться. Я довольно неплохо выгляжу. Садись.

Я послушно сажусь, еще раз покосившись на Джона. Надеюсь, этого не заметили: моя подруга любой взгляд на парня может принять за желание заняться с ним сексом немедленно. Ну, или хотя бы чуть попозже.

Элмайра старше меня на несколько лет, и она с Земли. Может, поэтому такая странная? Наверное, ее мозги как-то деформировались, когда она проходила Коридор. Военные ведь привели ее от ворот. Тех самых *ворот* из наших страшилок. Правда, она мало что помнит до момента, как ее чуть не застрелили. Иногда мне кажется, что она сама предпочла это забыть. Кто знает...

Тогда, в детстве, она всегда рассказывала примерно одно и то же.

Как стоит перед воротами – такими же, как наши, только *снаружи*.

Как берется за прутья и вглядывается во тьму.

Как гул, точно рядом работает турбина, нарастает, а потом появляются *они*.

Огоньки.

Дурацкое слово, совсем не страшное, но Элм произносила его особенным тоном. Голубые холодные огоньки, похожие на включенные фары. И дикая боль – от света и звука. Отключка. Падение. И Элмайра уже на нашей стороне. Частица тьмы. А тьма предельна.

Ее определили в приют, где мы и встретились. У Элм тоже есть личное уродство, обозначенное в документах как «сверхспособности». Элмайра – ведьма. Этого слова на бумаге, конечно, нет.

Элм может довольно многое: превращать одни предметы в другие, перемещать их, стрелять чем-то, похожим на стустки шипучей взрывной энергии, замораживать воду. Правда, ее «магия» похожа на заряд аккумулятора моего сотового: она заканчивается в неудачный

момент. Поэтому в строке «сверхспособности» прописаны два простых, обтекаемых, ничего не выражающих слова.

«Спонтанные аномалии».

Еще в детстве Элм рассказала мне – шепотом, по секрету, – что ей подчиняются духи. В Городе они не водятся, но я легко поверила. Элм выглядела жутко – бледная, темноволосая, с травянисто-зелеными глазами, светящимися изнутри. Шрам на нижней губе, шрам на шее – закрытый обычно широкой черной лентой. Тихая, обаятельная, примерная и опасная. Да, она была жуткой. Хотя бы потому, что со всех концов дома к ней сползала живность: крысы и мыши, пауки, змеи, гусеницы... Она звала этих тварей, если кто-то из девчонок комнаты вел себя скверно. Да... малышка Элм любила всякую нечисть. Любит и теперь.

Например, Хана. Вот он, сидит по левую сторону: мощная спина расслаблена, немигающий взгляд темных, лишенных зрачков глаз, устремлен в потолок, в руке сигарета. Дым клубится, окутывая кресло. Хан похож на спящего хищного зверя. Или на хищного зверя, поджидающего добычу.

– Поздоровайся с Эш, котик.

Веки приподнимаются. Черные глаза «котика» скользят по мне.

– Здорово!

И снова он запрокидывает голову, и, не обращая внимания на меня, они продолжают разговор.

Имя Хана сложное для человеческого языка, поэтому он его сократил. Еще есть кличка: Беспощадный. Она появилась еще в прошлом, когда Хан был бандитом из далекого космоса. Космическим пиратом. Не знаю, сколько ему лет по системе, которой мы пользуемся, – напротив данных о его «з.г.» в досье стоит жирный прочерк. Скорее всего, перевалило за тысячу, хотя от людей Хана отличают только слишком высокий рост, серая кожа и... ах да, огромный член. Это говорит Элм, и этого я, к счастью, не проверяла. Зато знаю, что кровь Хана черная, холодная, едкая. Однажды мы вместе готовили и он порезал палец. Крови, казалось, было совсем мало, но доску и нож пришлось выкидывать.

Хан не знает, из какой он галактики. С детства он кантовался в дурных компаниях на пиратских кораблях. Может, его планету сожгли, как и планету Джона, может, его забрали и вырастили уже в плену. Так или иначе, ему некуда возвращаться, и не замечала, чтобы он особенно напрягался по этому поводу. Не слышала, чтобы он когда-нибудь ностальгировал. Иногда его взгляд вообще становится бессмысленным или, скорее... пустым. В этом взгляде – как и у всех, кто хотя бы раз заглядывал в Коридор, – отражается предельная тьма.

Хан в Городе четыре года. Он потерпел крушение вместе с кораблем и попался военным. Они не стали его удерживать, чтобы ставить опыты, им негде было его запереть: тюрьмы не было, оставался расстрел, что с Ханом вряд ли бы прокатило. Поэтому Хана предпочли спрятать. Просто скрыть от чужих глаз и использовать здесь, среди нас. Где ж еще такое существо может оказаться к месту? К тому времени с ним подружилась Элм, которую не остановили ни темное прошлое, ни его неприветливость. Ее же тянет к нечисти. А нечисть тянет к ней.

У нашего космического пирата зычный голос, и лучше не слышать, как он орет. Это вполне можно использовать как оружие, наравне с его кулаками, прошибающими стену. При всем своем характере Хан – личность опасная. Ко всему прочему телекинетик средней руки. Удобно: он глянул на человека – человека впечатало в стену. Мы всегда выпускаем его вперед. Если бы не выпускали – все равно бы пер сам.

– Это место вполне может быть неудачным экспериментом ученых: сверхмассивная черная дыра, например. Подобные еще встречаются возле Корданикианских спутников и могут не рассасываться очень долго. Сколько Город существует? – говорит Хан.

– Прилично... – Элм зевает, бросая взгляд в сторону мониторов. – Кстати, первые поселенцы звали его Зоной, в честь какого-то земного места... по-моему, даже в честь тюрьмы. Хотя Город в конце Коридора звучало бы лучше.

Хан выпускает струйку дыма. Думает. И отвечает:

– Тюрьмы, говоришь? В галактике, где у меня был черный рынок, располагалась большая цивилизованная планета Радианна, населенная существами, чем-то похожими на людей. Правда, у них были хвосты и желтая кожа, но это мелочь. Так вот... радианцы достигли высокого уровня развития, стали исследовать космос. Нашли планетку с пригодной атмосферой, ну и, не долго думая, сделали из нее колонию строгого режима. Туда просто ссылали. Как... выбрасывают мусор. Секретный проект.

– Какая гадость!

– Это не гадость. Это безопасность и стабильность. Собственно, к чему я... может, и тебя спланировали в это захолустье? Представь, там, откуда ты пришла...

Элмайра решительно отбирает у него сигарету, но только чтобы закурить самой.

– Я добрая душка, меня не за что было ссылать. Да и если бы сюда привозили на кораблях заключенных, мы бы заметили.

– А если они приходят через Коридор?

– Через него невозможно пройти.

– Но ты же прошла. И Лютер проходил, и...

– Случайность. Если бы это было нормально, Ван не посылал бы солдат...

– Так бы наш Единый Босс тебе все и сказал. У него там, в темноте, свои делишки.

Такие же темные, как...

– Заткнись. – В ее голосе звучит напряженное раздражение. – Просто заткнись.

Хан театрально фыркает и снова тянется к пачке.

– Признай: то, что здесь есть люди, даже не верящие в существование Земли, других планет, Иисуса и праздника Хануки, – *его* вина. Ничья больше. И это не просто так. Тебя дурачат, детка. Нас всех. И...

– Иисусе...

Это произносит не Элм. Я поворачиваюсь. Пират не глядя огрызается:

– Не поминай этого парня всуе, чистюля. Мы с ним не знакомы, но полоскать имя, не веря в того, кто его носит... Фу, клянусь Элвисом, это мерзко.

В дверном проеме стоит Дэрил – с хмурым, насупленным видом «я нарываюсь». Этот вид не сулит ничего хорошего; впрочем, на Хана он не производит никакого впечатления. Как и следующие слова:

– Опять успели где-то накуриться? Как же вы задолбали.

Куда только делось его недавнее игривое настроение? Маска съехала. Заметив это, я невольно усмехаюсь. Обычный семейный вечер, черт.

– Подслушиваешь? – Элмайра поднимает глаза. – Уже позвонил в централку? Может, Ван что-нибудь со мной сделает, м-м-м?

Резким движением она разводит точеные ноги, скрывающиеся под тканью простых грубых штанов из черной джинсы. К слову, у нее идеальный прямой шпагат, на зависть всем любителям порнофантазий.

Ее голос звучит вполне дружелюбно, только взгляд теперь более колочий. Не могу сказать, что Дэрил и Элм ненавидят друг друга... Ненависть не положена по уставу, иначе ты не выживешь. Есть те, кого ты должен убивать, и те, кто должен убивать вместе с тобой. Только попробуй спутать.

Но когда Элмайра и Дэрил в одной комнате, обычно они не разговаривают и не замечают друг друга. Даже шеф не может ничего сделать. Странно, что Дэрил влез в разговор, особенно видя, что Элм не в самом хорошем настроении. Ах да! Прозвучало волшебное слово – Ван. Ван Глински и партия Единства.

Подруга по-прежнему нехорошо улыбается, не сводя с Грина глаз:

– Что скажешь умного, красавчик?

– Вы много трепетесь не по делу. Такая болтовня приводит к проблемам, судя по тому, что случилось с Лютером... Вам не помешало бы чуть больше веры в...

– ...победу добра над злом, света над тьмой? – прерывает Хан. – И конфетку каждому ребенку, и золотые горы, и гамбургеры в форме сердечек? Кто еще балуется дурью... Просто наша дурь качественнее. Она не мешает трезво мыслить.

– Партия делает все, чтобы...

Я не слушаю Грина. Я думаю все о том же. О Лютере. Он тоже *оттуда* и, в отличие от Элм, не забыл прошлое. Он дичился, никого не подпускал и часто смотрел сквозь нас. Он не был любимцем общества, для многих являлся «поганой кровососущей тварью». Но после его гибели что-то разладилось. Почему... кто послал дроидов с таким оружием? Да и вообще... официально у нас нет фабрик роботов. Разработки ведутся в Академии – огромном научном городке, которому вечно не хватает денег. И пока дело стоит на месте, чьи-то роботы уже гуляют по улицам. В дополнение к другим тварям.

Грин идет к камину – погреть руки. Сегодня и правда холодно, скоро зима. Все молчат.

Мы часто говорим о подобных вещах. Когда тебя запирают, возникает желание хотя бы поцарапать дверь или прижаться к замочной скважине ухом, просто чтобы почувствовать себя защищенным. Попытаться что-то понять. В ответ ничего не слышно, и это даже успокаивает.

Дэрил горбится. Элм, наоборот, выпрямляется и триумфально стучит себя кулаком в грудь:

– Я...

Ее прерывает писк со стороны крайнего монитора, показывающего северную часть города. Легкие неприятности: сигнал желтый, низшая степень тревоги. Элм спешно складывает руки на коленях с видом пай-девочки. Сидящий возле экранов шеф разворачивает к нам кресло.

– Вижу, все на месте...

Конечно, он здесь, хотя я, как обычно, его не заметила. Видимо, не только я. Элмайра втягивает голову в плечи: не хочет получить взбучку за то, что поругалась с Дэрилом.

– Вижу, вы заскучали...

Дмитрий Львовский. Шеф. Русский, весьма всеми уважаемый, но почему-то не имеющий врагов. Интересно, как он попал к нам и почему, не обладая способностями, стал вожаком? И почему каждый его поступок напоминает мне тщательно выверенный ход в шахматной партии? Он так любит шахматы...

Гроссмейстер. Читайте так, детки.

В нем чувствуется что-то, что всегда заставляет затыкаться даже Дэрила. Что-то есть в

его стальных глазах, военной выправке, седине в русых волосах и низком голосе. Менее властным его не делает даже хромота на левую ногу. Примерно так я представляла капитанов из земных приключенческих книг. Будто в них есть немного льда. В Львовском есть столько, что хватило бы заморозить каждого из нас.

Он оглядывает комнату и отдает приказ:

– Джон и Эшри, отправляйтесь. Думаю, легко управитесь и быстро вернетесь. Элмайра, вы с Дэрилом готовьтесь через полчаса выезжать на патрулирование. И пожалуйста, Элмайра, сегодня без отрезанных голов.

Мои недавние молитвы услышаны. Усмехаюсь и, не глядя на Дэрила, иду к выходу. Джон – за мной, немой невидимой тенью. Уже у двери я слышу:

– Эшри, мотоцикл в норме. Не тарань им больше роботов, он этого не любит.

Эти слова привычно царапают: раньше я могла бы просто полететь, а теперь... Тут же я встречаю ободряющий взгляд Айрина. Он не собирается хлопать меня по плечу, но в голове я отчетливо слышу: «Забудь».

Да в конце концов, к черту. Может, не стоит так расстраиваться: я люблю своего трофейного японского друга. Он достался мне после земной войны, но с новым движком. Ездит с невероятной скоростью. Я так не летала. И не полечу.

– Пока, Эш, Джон! Удачи! – кричит нам Элмайра.

Дверь за нами захлопывается.

Город почти вымер: у нас темнеет всегда в одно время, где-то начиная с семи люди уже побаиваются выходить на улицы. Постепенно владельцы запирают магазины, бродяги забиваются в подвалы, даже собаки и кошки находят себе убежища. Пожалуй, не без причин.

Мне показалось, или в небе промелькнула белая фигура? Наверное, просто странное облако: скорость выше ста восьмидесяти искажает восприятие реальности. Надеюсь, что так. Надеюсь и все равно ощущаю озноб.

Мне не нравятся *мертвые ангелы*. Да никому не нравятся *мертвые ангелы*.

Вообще-то у *них* нет названия. Мертвыми ангелами их зовут только дети; трудно сказать, с чем это связано. Это не призраки, не мутанты, не ожившие трупы... может, дроиды? Вряд ли. Они приходят из Коридора – такие же странные, как само это место. Шеф убежден, что они безвредны и сами предпочитают держаться от людей подальше. Но это неправда: они все же появляются, и встреча с ними сулит беду. В приюте говорили, *мертвые ангелы* забирают тех, кто им приглянется, и остановить их невозможно. Но люди все же не теряют надежды. Они верят, что в квартирах можно спрятаться от теней, каждую ночь мелькающих в небе. Мы тоже верили, накрываясь одеялами с головой. Или же вовсе прячась под кроватями, если твари кружили возле окон.

Да, это всего лишь городские легенды. Страшилки, байки, которыми должен обрастать каждый городок, даже небольшой, даже окутанный тьмой. По крайней мере, я ни разу не видела, чтобы мертвые ангелы на кого-то бросались. За два года мы ни разу не вступали с ними в бой: если кто-то появляется рядом, они исчезают. Не говорят ни слова. Хотя нет... одна тварь заговорила. С Лютером.

Мы с Элм тогда патрулировали и налетели на нашего напарника в каком-то дворике. Ангел качался перед ним, шепча что-то на незнакомом языке и более того – сжимая вампиру плечи. Вместо глаз у твари были жуткие впадины...

Элм заметила это позже меня; она успела поприветствовать вампира и махнуть ему рукой.

Мертвый ангел даже не взглянул на нас. Он плавно взлетел и скрылся. Лютер покачнулся, и мы побежали навстречу. Пока Элм трясла его, я разглядывала место, где *оно* стояло: следов не осталось.

– Как ты на него нарвался? Ты ранен?

Взгляд Лютера был диким. Тогда мне показалось, что вампир стал еще бледнее, чем обычно, а его глаза горели каким-то неестественным огнем. Не желтыми бликами, что отражались в его зрачках с заходом солнца. Огонь был *белым*. Белым, как тряпки, служащие мертвым ангелам одеждой.

– Лютер, как ты мог, Львовский не велел...

Он дернулся и прошептал:

– Он стал одним из них. Его что-то держит...

У нас с Элмайрой, наверное, были очень испуганные лица. Лично я в ту минуту дрожала от страха – и сама не понимала, почему.

– Лютер, да о чем ты?

Он словно проснулся. Он не сказал больше ни слова, сделал резкий шаг назад. Развернулся и пошел в сторону одной из главных улиц. Растворился в тенях. Потом он все

время избегал нас, хотя за обедом, в тренировочном зале и в комнате наблюдения я нередко ловила на себе странный, острый взгляд... Элм, видимо, тоже, потому что однажды она тихонько предложила:

– Давай замочим его первыми. Он что-то задумал.

Это было не смешно. Если бы я могла представить, *насколько* несмешными некоторые шутки становятся с течением времени... Но тогда я, конечно же, хихикнула, и нам обоим вроде бы полегчало. Я предложила рассказать все шефу или *другому боссу*. Элм закусила губу. Я понимала ее колебания и добавила: «Позже». Так мы и договорились.

«Позже» так и не наступило.

Но даже сейчас, когда я выжимаю из движка предельную скорость, оно преследует меня. Давит. Ждет своего часа.

* * *

В дымящейся кирпичной стене зияет дыра. Верещит, призывая хоть кого-нибудь на помощь, сигнализация. А полиция, как всегда, видит десятый сон, хотя ограбления вообще не по нашей части. Как и многое из того, что мы делаем. Третью грязной работы, не меньше.

Я останавливаю мотоцикл, быстро глушу мотор. Джон уже ждет возле пролома. Мы заглядываем внутрь, потом переглядываемся и киваем. Он показывает три пальца. Я делаю широкий жест ладонью, ударяю кулаком. Он усмехается. Мы все привыкли работать почти без слов.

В полутьме едва различимы фигуры, но все же я не могу сосчитать, сколько их. Вблизи определенно трое, они стоят на входе с набитыми мешками. Туго набитыми. Откуда они? Чьи это деньги? Государственные? Тогда мы и не подозреваем, как хорошо живем. Может, пусть ребята возьмут немного? Едва ли это сбережения честных вкладчиков. Возможно, даже не политиков; те чаще пользуются карточной системой.

– Вас не учили, что брать чужое нехорошо?

Произнося довольно избитую фразу, я извлекаю из-за плеча привычное оружие – тяжелую биту, через которую подчиненное мне пламя бежит с быстротой и легкостью лазера. Бита меняет форму: на конце, металлически сверкая, возникает ядро на длинной цепи.

– Замрите!

Один грабитель медленно оборачивается. Надо же... симпатичный парень, чуть постарше меня. На миг я даже расслабляюсь: может, просто подростки со взрывчаткой? Из бывших приютских или новичков, которым достаточно короткой лекции и подзатыльника?

– Осторожно!

Джон отталкивает меня. Лазер проходит почти над ухом, сверху сыплются обломки. Парень, которого я приняла за человека, идет навстречу. Глаза под косой русой челкой мерцают злым алым светом, который рушит все наши надежды поскорее освободиться. Определенно, подзатыльником дело не ограничится.

В прямом эфире снова мистер Сайкс. Точнее, его особые боевые антроиды.

Роботы разного вида есть у нескольких преступных группировок Города, но можно биться об заклад: они собраны по одной схеме. Неуклюжие скелеты в белой броне, огромные механические звери, даже жестяные банки на кривых ногах – лишь бесплодные попытки

мелких рыбешек повторить за *большой*. За *ним*. Именно его «милые» создания доставляют больше всего проблем. Антроидов сложно отличить от людей, они, как правило, красивы или, по крайней мере, правдоподобны. Дышат. Двигаются естественно. Только в темноте их выдают светящиеся глаза. Да... необычные твари. Впрочем, у ублюдка все необычное. Я-то знаю.

Когда-то мистер Сайкс появился с помпой. Начал с того, что взломал систему телевидения и протолкнул на новостной канал трехминутную видеозапись. Балет «Лебединое озеро», на фоне которого загробный голос предлагал провести демократические выборы. На пост мэра «голос», конечно же, предлагал себя. Потом на телебашне раздался взрыв, правда, скорее устрашающий, чем серьезный: никто не погиб. Просто пришлось пожить недельку без придурков с голубого экрана. Времени хватило на то, чтобы Город переварил услышанное и впал в панику.

Конечно, власти отнеслись к предложению о выборах без восторга. После первой же статьи, в которой глава правящей партии прямым текстом предлагал «неизвестному шутнику» почистить зубы и лечь спать, начались ограбления и громкие убийства. Это продолжается до сих пор. Правда, на мой взгляд, жадные ублюдки, которых Сайкс отправляет на тот свет, давно должны были получить по заслугам. Сайкс... он тоже в каком-то роде герой. Но вряд ли про него захотят рисовать комиксы. И кружка с его пока неизвестным лицом никого не обрадует.

Я часто задумываюсь, кто это может быть. Бизнесмен? Недовольный политик? Слетевший с катушек священник, а может, старый контуженный коп? Явно кто-то, кто о многом осведомлен: ускользает ловко, прячется мастерски. А антроиды нередко вносят разнообразие в наши рабочие будни. Не соскучишься, какие они душки!

Джон вскакивает на ноги и уже через секунду возникает прямо перед юрким роботом с такой же прилизанной челкой, как и у моего. Ударом кулака Айрин сносит ему голову, и вдруг по залу разносится волна музыки, сопровождающейся словами:

All you need is love.

Love is all you need^[1].

Какой абсурд. Я отвлекаюсь, и мне успевают врезать в челюсть. С трудом устояв, я несусь в дальний конец зала и уклоняюсь от лазера. С силой замахииваюсь. Два дроида – молодые мужчина и женщина – теперь груды плавящегося металла и пластмассы. А милая старушка только что выдрала из стены тяжелый сейф, и теперь махина летит в мою сторону. Да-да, извращенное чувство юмора – фишка мистера Сайкса.

У пролома появляются еще несколько антроидов. И что Сайкс так привязался к этому банку? За этот месяц его железки заявляются сюда в третий раз!

В меня летят сразу три лазерных луча: опять приходится бежать. Джон тем временем разобрался с еще двумя дроидами и снова рядом – закрывает меня от оставшихся. Те уже не проявляют интереса к мешкам и сосредоточились на нас. Сверкают глазами и... улыбаются?

– Стой за мной!

Полегче, Айрин. Я не щенок Скрэпи-Ду из старых мультиков, меня не надо держать за шкуру, когда я собираюсь начистить кому-то морду. Я делаю вид, что не слышу его. Просто ненавижу прятаться, особенно когда меня героически закрывают грудью. Чертов Последний

Принц!

Я выскакиваю из-за спины Джона, не забыв сообщить ему, что он мудака. Первый же дроид, рядом с которым я оказываюсь, – узкоглазый коротышка – пытается ударить меня. Я уклоняюсь привычным движением: набор приемов у боевых машин довольно однообразный, какими бы крутыми ни были, и с силой впечатываю битую в его грудную клетку.

– Встань за мной сейчас же, Эшри!

Ах да, рядом опять Джон, и на него наседадут сразу двое.

– Пошел ты!

Айрина отесняет от меня. Я наношу добивающий удар. Теперь на месте довольно смазливой лица дроида – искрящаяся дыра, а его руки все еще тянутся ко мне. Я делаю несколько шагов назад. Громоздкая фигура падает, я наступаю на ее шевелящиеся пальцы.

– Эшри!

Почти в тот же миг тело пронзает боль: луч, пущенный в спину, я прошила. Опять... Наверное, меня подбросило в воздух и ударило об стену, иначе почему надо мной теперь сероватый потолок, с которого падает шпатель. Я выбираюсь из-под нее и пытаюсь сесть. Задело почти вскользь, но... это не все.

Меня дергают вверх. Железная хватка на горле. Итак, меня собирается убить красивая блондинка, у которой от щеки уже отвалился приличный кусок искусственной кожи. Какие ресницы длинные... наверное, лучший пластик, какой этот ублюдок мог откопать. Ненавижу блондинок.

Светящиеся глаза прямо передо мной. Блондинка совсем по-живому облизывает губы. Я дергаюсь, пытаюсь ударить ее, но... дроид сам выпускает меня и падает. Я опять оказываюсь на обломках. И вдруг я понимаю, что, как бы я ни рвалась в бой, меня бесцеремонно отшвырнули на зрительские места. Вот это да!

Джон решил разобраться с проблемой быстро и просто. Определенно, однажды он лишит всех нас работы. Можно не сомневаться. Сейчас он превратился в огромного чешуйчатого... как же это называется в земных сказках? Дракона. Чертова ярко-зеленого дракона размером с грузовик. Выдохнул пламя – и от роботов ни следа: то, что не расплавилось, раскидано по залу банка. Я закашливаюсь, прикрываю ладонями глаза, защищаясь от пыли и пепла, но продолжаю восхищенно таращиться в щелку между пальцами. Пожалуй, я завидую. Офигеть, как завидую.

– Мудака может поинтересоваться, жива ли ты?

Его голос звучит в голове. Я торопливо киваю, и Джон склоняет змееподобную морду. Я не могу удержаться – протягиваю руку, провожу по теплой поблескивающей чешуе. Контуры начинают меняться, и вот передо мной снова напарник в своем привычном облике. Мои пальцы по-прежнему касаются его скулы.

– Ты крут... – Я убираю ладонь, отводя глаза и начиная созерцать заваленный обломками зал. – Нечего так смотреть, я никогда не гладила настоящего живого дракона!

Любительница зверушек, ага. Представляю, как это смотрится со стороны. И вообще-то я забыла кое-что важное.

– Спасибо. Извини, Джон. Просто... ну ты понимаешь.

Он вымотался, тяжело дышит и вроде как не замечает, что я смутилась и несую чушь. Или делает вид, что не замечает. Я часто попадаю в тупые ситуации и не умею с честью из них выкручиваться.

– Что ты имеешь в виду? – мягко уточняет Джон.

– Да я про «встань за мной». Будто ты меня не знаешь...

– А я знаю? Впрочем, – кажется, он хмыкает, – теперь буду в курсе. На этой девушке табличка: «Не спасать». Заметано?

– Ага...

Я прислоняюсь к стене, затылком ощущая холодный камень. Раны едва ли нанесут мне серьезный вред, несколько часов сна, и я даже не вспомню о них, но все же мне немного погано. Из-за другого. Не могу до конца понять, из-за чего. Чтобы отвлечься, я объявляю:

– Двигаем. Скоро полиция проснется.

Рядом лежит мешок: в нем дыра, наружу выглядывают не купюры, а какие-то бумаги. Акции? Отчеты? Клиентские базы? Зачем они Сайксу? Ладно, неважно... Реальность я сейчас воспринимаю как-то отчужденно.

В кармане оживает мобильник. Как он только остался цел после встречи со стеной? На покрытом трещинами дисплее высвечивается незнакомый номер. Черт! Неужели опять *это*?

– Алло.

На автомате включаю громкую связь. *Такие* разговоры лучше не утаивать.

– Добрый вечер, славная мисс Артурс, гениальный мистер Айрин! – Вежливый низкий голос, в какой-то степени даже приятный. – Как себя чувствуете?

– Великолепно!

Хочется ругаться, но такого удовольствия я не доставлю собеседнику из принципа. Лучше я прибегну к матерным выражениям для более приятных личностей. Джон одобрительно кивает, скрещивая руки на груди.

– Вы меня рассердили. Сегодня была особенная цель.

– Меня не интересуют ваши цели.

Дурак. Надоел.

– Марионетки обычно и не интересуются чужими целями. Что ж... спокойной ночи! Да, чуть не забыл: ждите в скором времени посылку с сюрпризом!

Гудки. Я все же произношу длинное замысловатое ругательство, сопровождая его ударом кулака по мешку. Джон удивленно поднимает бровь. На этом разнообразие его реакций на что-либо, как правило, кончается.

– Я бы обмотала этот сотовый его кишками... Однажды я это сделаю.

Привычка совершать подобные звонки и вести приятнейшие беседы появилась у мистера Сайкса давно: после того, как мы столкнулись с антроидами впервые. Не знаю, как и где он достал наши номера, но...

Он звонит не только мне. Элмайре тоже. Хану, Дэрилу, всем нашим. Даже шефу. Иногда говорит о посторонних вроде бы вещах, например, радуется теплой погоде или Дню благодарения. Иногда обещает выпотрошить нас и развесить на фонарях перед Рождеством. Почти всегда он оригинален, вот и сегодня опять решил напомнить о себе. Я с отвращением запикиваю мобильник в карман. Голова побаливает. Спина тоже, и стоять на ногах не так легко, как казалось поначалу.

– Ты выдохлась. Давай отнесу тебя в штаб.

Что? Этого еще не хватало! Господи, какая гадость. От «отнесу на руках» ведь недалеко до семерых детей. Или у меня после Дэрила просто паранойя?

– Мотоцикл тоже на руки возьмешь? Брось. Давай выберемся на воздух, я проветрюсь, а потом двинем. Мне нужна передышка.

Но вообще это неважная идея. После такого удара головой даже прогулка на свежем

воздухе не поможет. Я понимаю это и собираюсь сказать что-нибудь еще, но Джон, приблизившись, осторожно берет меня на руки.

– Не ругайся. Я только чуть-чуть помогу. Держись.

Мне никогда не нравились такие истории. Рыцарь, подумайте только. Эй, я же король Артур, а не какая-то израненная принцесса! Я упираюсь рукой Джону в грудь:

– Я сама могу...

– Можешь. Но сейчас не надо.

Все же он удивительный. Святая доброта. Да к тому же из его крепкой хватки так просто не вырвешься – он как теленка на бойню тащит.

Воздух приятно освежает. Закрываю глаза; Джон взлетает, и уже через пару минут мы оказываемся на берегу озера, на волнорезе. Он знает, это одно из моих любимых мест в Городе, и наверняка подлизывается, чтобы я не ругалась. Ну... ладно, я его прощу.

Большая Вода спокойна. Вдалеке поблескивает несколько огоньков – остров, на котором можно даже разглядеть силуэт дома Хана. Джон опускает меня, я шагаю вперед и вскоре оборачиваюсь. Айрин всматривается в черную рябь, стоя вполоборота ко мне:

– Чувствуешь? Пахнет вереском.

Я киваю. Говорят, вереску положено цвести в конце лета, но здесь он почему-то зацветает поздней осенью, как раз сейчас, и ветер доносит с острова медовый запах. Его можно уловить в ветреные дни на каждой улице, он перебивает даже выхлопные газы. Если запах вереска исчезает – значит, окончательно наступила зима.

– Джон. – Я подхожу и тоже смотрю в воду. – А на Некберре были времена года? И... там рос вереск?

Забавно... попав в какую-нибудь компанию, где больше одного человека, ты – вольно или невольно – начинаешь раздавать всем роли. У меня есть и Суровый Начальник, и Местная Стерва, и Гребаный Клоун, и целых три Друга До Гроба, а еще есть Загадка. Ты – мистер Загадка, Джон Айрин. Никак не могу тебя разгадать, с того дня, как однажды ты решил нам помочь, когда в озеро выпустили огромных мутировавших змей и мы пытались справиться с ними. А потом ты стал одним из нас.

Наверное, поэтому я довольно часто задаю ему глупые вопросы. Надо же! Спросить про вереск и времена года, когда, наверное, лучше поинтересоваться, какая марка пива ему нравится или за какую регби-команду он болеет.

– Извини. Видимо, хорошо меня стукнули, я...

Конечно, это лишнее – говорить о разрушенном доме. Все равно что ходить по его развалинам, поддевая ногами разбитые рамки фотографий и наступая на старые письма. Тему лучше поскорее замять.

– Шесть времен. Они менялись вместе с количеством видимых лун. Вереск... нет, его не было.

– А что-то другое?

Я веду себя как капризная, безмозглая маленькая дрянь. Сама не понимаю, зачем мне знать это. Но неожиданно Айрин улыбается.

– Были золотые пальмы. Красные лилии – похожи на земные, а пахнут, как те вонючие духи Элм. И еще много белых колокольчиков. Они запоминали звуки. Мы часто ставили их в дни праздников, чтобы потом можно было слушать отголоски веселья и предаваться приятным воспоминаниям.

Наверное, белые колокольчики помнят все предсмертные крики его народа. Вздрогнув

от этой мысли, я делаю шаг вперед. Одернув себя, останавливаюсь и поднимаю взгляд: над нами небо, усыпанное звездами.

– Интересно, какой была моя планета...

Он вряд ли знает, что ответить. Наверное, ему жаль меня, ведь у меня нет даже развалин, по которым я могла бы потоптаться. Сирота с пустыря, что тут скажешь?

– Забудь, Джон.

Он подходит, набрасывает мне на плечи свой плащ и задерживает ладони на моих плечах.

– Думаю, очень красивой. Ты – красивая.

Он правда сказал это второе предложение? Впрочем, судя по тому, что он на меня даже не смотрит, я просто повредила себе мозги.

– И глупая.

– Какая ерунда, Эшри...

Я опускаю голову, наблюдая, как ветер треплет длинные черные полы плаща. Мы все ходим в черном. Это не приказ, а какая-то негласная общая привычка. Лишь Элмайра и Кики предпочитают иногда разбавлять черноту чем-нибудь ярким. Но я люблю черный. Он скрывает кровь и делает тьму вокруг нас менее заметной. Примиряет нас с ней.

Правда, сейчас тьмы много. В небе, в воде, под ногами. Слишком много, чтобы я не закрыла глаза. Ладони на моих плечах сжимаются чуть крепче.

Черная тетрадка, белая машина

– Кукареку! – слышу я прямо над ухом.

– Ох, мать...

Напротив меня в кресле сидит Элмайра. На столике – поднос с чашками кофе и тарелкой поджаренных тостов. От кофе идет пар, а на каждом из теплых тостов медом нарисован смайлик. Элм смотрит на часы.

– Предсказала твое пробуждение с погрешностью в полторы сотых секунды. Привет, Огонечек! Как ты?

Видимо, у озера у меня все-таки закружилась голова и я отключилась. Иначе почему я очнулась в знакомой комнате, на привычной жесткой кровати и, как и ожидала, с обрывочными воспоминаниями и ощущением, будто меня били палкой? Я осторожно потягиваюсь и на всякий случай озираюсь. Да. Точно дома.

Наш штаб расположен в большом особняке, построенном в незапамятные времена. На первом этаже есть несколько просторных залов, которые мы используем для тренировок. На втором – множество небольших комнатушек с мебелью: возможность уйти домой есть далеко не всегда... Вот и сегодня я явно ночевала здесь. Надеюсь, по мне хотя бы не ползали пауки, а их здесь много.

– Все отлично. – Я касаюсь рукой лба: голову кто-то перевязал. – Э-м-м...

Элм коротко поясняет:

– Это Джон постарался. Ну и я.

Голова почти не болит, и я даже хочу есть. Подруга протягивает руку к тарелке, подает мне тост и продолжает:

– Он тебя принес. Я чуть с ума не сошла: думала, опять... ну... как с Лютером. Ты бы видела, какой ты казалась слабой у него на руках, так сразу и не скажешь, что стену лбом прошибешь!

Она хихикает, а я чувствую, что краснею. Быть одновременно и берсерком и неудачницей мне совершенно не хочется.

– Да расслабься. Все лажают. Даже я.

Рядом с чашками на столике лежит черная тетрадка большого формата с обложкой под змеиную кожу. Продольный срез страниц защищен металлической пластинкой с углублением: будто для ключа. В обложке зияет небольшая, диаметром где-то с полсантиметра, дыра. Странно... тетрадь кажется мне знакомой.

– Что это?

– Моя добыча, – подруга фыркает, – после ночного патрулирования. В золотохранилище снова влезли. Там никого уже не было, сработала сигналка. Пока мы пытались понять, что украли, я нашла вот это. Мне показалось... В общем, я ее видела, только не помню, где.

– То есть ты стащила ее из золотохранилища?

Элм пожимает плечами и показывает острым ногтем на дыру в обложке:

– Вряд ли это должно было быть там. Это же не золото.

Я подношу тетрадь к глазам, глядя сквозь дырку на дверь. Она тут же со скрипом начинает открываться.

– Прячь! – Элм заталкивает тетрадь под меня и выше натягивает одеяло мне на колени. – О, привет, Вэнди!

– Доброе утро! Пришла узнать, как поживает Эш...

Грудной бархатный голос, оливковая кожа, ежик черных волос. С чего это ее высочество решила нанести визит? Вэнди Смит, мягко улыбаясь, ступает через порог.

– Ты жива?

– Вполне.

Ее темные глаза сверкают... не могу сказать, что разочарованно, она слишком ловко это прячет. Я неуютно ерзаю, ощущая под пятой точкой злосчастную тетрадку. Элм подмигивает, чуть слышно хихикает и вручает мне второй покрытый джемом тост.

– Поправляйся, детка.

Мы обе понимаем, почему Вэнди, при всем ее дружелюбии, не слишком радуется моему здоровому, возможно, даже цветущему виду.

– Чей был привет? – спрашивает она.

– Сайкса. – Я пожимаю плечами. – Антроиды, дурацкая музыка, лазерные винтовки. Как обычно. И он звонил. Опять обзывался.

– Хм. – Пухлые, подкрашенные темной помадой губы поджимаются. – Как думаете, кому можно продать душу, чтобы мне дали персональный шанс вышибить ему мозги?

– Боюсь, с ним и его машинами не сладит даже Сатана.

Вэнди опускает глаза, явно думая. Потом уверенно кивает:

– Сатана не сладит. Мы – сладим.

Я с хрустом отгрызаю сразу половину тоста под одобрительное фырканье Элм:

– Да ты жаждешь проявить инициативу! Восхитительно!

Восхитительно. И безнадежно. Просто родители Вэнди, члены правящей партии, хорошо воспитали дочь и привили ей крепкую веру. Поэтому она истребляет всех преступников и, к слову, предпочитает убийства, а не аресты. Вэнди жесткая. Хотя в мирное время производит впечатление горячей детки с умеренным размером мозга. Вежливая, милая, собранная. И меня нисколько не удивляет, что в ее досье, в графе «Способности», стоит: «Феноменальная ловкость и быстрота». Кошачьи качества. Да, Вэнди могла бы быть кошкой.

– А мы... – Элм хватается со стола чашку и с шумом отхлебывает, заставив воспитанную гостью сморщить нос, – славно вчера побегали. С Дэрилом.

Какой грубый удар. Ха.

– Вот как... Значит, он теперь отсыпается?

Элм кивает с самым невинным видом. Я, снова ерзя на тетрадке, пихаю ее. Ну, подруга. Придержи лошадей. Все-таки это наша напарница.

– Жаль... Мы собирались сходить в кино после дежурства. Зачем шеф его поставил...

Вэнди явно хочет сказать «...с тобой», но только тяжело вздыхает, а Элмайра опять делает шумный глоток.

– Выше нос. В репертуаре ничего хорошего.

Но Вэнди все равно кусает губы.

Ей нравится Дэрил. Она сходит с ума, и, по-моему, «болезнь» у нее с первого рабочего дня, с первого рукопожатия. В принципе, ее можно понять. Ухаживая, он заставит спинку твоей кровати расцветать розами, пока ты спишь, чтобы, проснувшись, ты увидела алые бутоны на подушке. Как они пахнут... а как головокружительно он целуется...

В таком холодном месте, как наш мир, все вообще до смешного просто. Розы. Хороший секс. Когда помнят, что ты ешь на завтрак и сколько сахара кладешь в чай. Наверное, когда

тебе восемнадцать и до этого особо не везло, ты веришь, что тебе достался лучший парень на земле. А то, что в телефонной книжке парня дюжина девушек и каждой он выращивает розы и кладет сахар... Хорошее же не может быть только твоим? Верно. Если ты – не я. И если ты не ждешь его звонка, лежа в больнице и потеряв крылья.

Когда мы разбежались, Элмайра отметила это событие, взорвав плюшевого медведя, которого Грин мне подарил. Она-то устойчива к неизвестному вирусу «дэрилофилии». А мы с Вэнди... О, в великой «битве за самца» мы успели даже подраться, нарушив разом все правила внутреннего устава, чуть не загремев в больницу и чуть не вылетев с позором. Драка – идиотская женская потасовка – не затянулась только по счастливой случайности. Имя многим счастливым случайностям моей жизни – Элмайра Белова.

Я думала, она – неофициально правая рука шефа – прибьет нас. Но она только с силой столкнула лбами, выдрав по клоку волос и отшвырнув в разные стороны. Подруга заставила нас убираться и отмывать кровь, а потом – перевязывать друг друга. Даже не орала. Странно... она не жалуется Джона, считая его немного блаженным, но многие проблемы старается решать его методами. Возможно, в знак уважения.

Тогда мы с Вэнди впервые за несколько недель поговорили не сквозь зубы. Я осознала, что больше ни один парень не заставит меня так поступить, – чуть не угробить ни в чем не повинную влюбленную дуру, оказавшуюся в той же ситуации, что и я. О да. Славный урок взросления, который Элм завершила, намазав нам обеим носы зеленкой.

– *Он с тобой, потому что ты... особенная?* – так спросила Вэнди, вправляя мне сустав.

– *Нет. Он со мной, потому что он хочет быть со мной.*

Тогда я верила себе. Потом поняла, что права была она. Дэрил лишь дважды навещал меня после *того дня*. Это потом в нем что-то перемкнуло и он стал снова меня преследовать, и делает это сейчас, когда мне на него плевать. Он не понимает, что я умею расставаться с людьми. Мои привязанности как огонь: сожрав поленья, он гаснет навсегда. И оставляет только золу, в которую уже бесполезно бросать розы.

А вот Вэнди продолжает его любить. Есть такая странная, больная любовь, которую редко ценят.

Кстати, после той драки Элмайра, столкнувшись с Дэрилом в тренировочном зале, двинула ему в челюсть, просто увидев его улыбку. Демонстративно вытерла руку и посоветовала пососать ее невидимый член. Я тогда засмеялась, а Вэнди побежала за аптечкой. «Он не виноват...» – тихо сказала она. Именно это заставило меня ей посочувствовать.

И я жалею ее даже теперь, когда она, возможно, жалеет, что мне не проломили череп.

– Мы свободны до вечера. – Элм задумчиво слизывает мед с пальцев. – Ты на связи сегодня?

Вэнди тоскливо вздыхает, вспомнив об этом. Она не любит дежурить. Терпеть не может, особенно если Дэрила нет. Но Дэрил не явится раньше смены, он ценит свой отдых и не пренебрегает им даже в самых исключительных случаях. Это немного, чему стоит у него поучиться. Особенно чокнутым совам вроде меня.

– Весь день.

– Бедняга.

Вэнди пожимает плечами – как видно, она полностью покорила судьбе:

– Ладно... Выздоровливай, Эш!

Вэнди уходит. В дверях она оборачивается и слабо улыбается. Все-таки у нее приятная

улыбка. Мы не дружим, но вообще, когда она или еще кто-то улыбается мне, ненадолго возникает ощущение, что все-таки все мы вместе. Как семья, – правда, не очень счастливая. Я когда-то читала земную книгу про богатую женщину, изменившую мужу и бросившуюся под паровоз. Повествование было скучным, но я запомнила оттуда фразу – самую первую. «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Это про нас. И надеюсь, в конце нашей истории хотя бы никто не будет лежать на рельсах.

– Эшри, поднимай свой милый зад. – Элмайра выдергивает из-под меня тетрадь и возвращает ее на стол.

– Зачем ты ее прятала?

– Я не верю этой крошке.

– Тебе надо лечиться от паранойи, мамочка.

Она не успевает ответить: в комнате становится холоднее. Стена напротив меня начинает рябить. Мы переглядываемся и синхронно закатываем глаза.

Наша кожа покрывается мурашками от холода. Раздается леденящий душу вой. Среди полосатых обоев показывается рука, она высовывается сначала до запястья, потом по локоть. Падает картина, изображающая какой-то морской пейзаж, вслед за ней катится голова нашего гостя. Нос картошкой, каштановые встрепанные лохмы, огромные очки на лбу сверкают закопченными стеклами. Да, он явился.

– Бу! – раздается вместо приветствия.

Что ж, это старая привычка. Гость неуклюже вылезает из стены, подбирает голову и ставит ее на место.

– Славное утро! Просто крышу сносит!

– О да...

Вуги – наш призрак. Единственный призрак в Городе. Когда-то Вуги жил на Земле, и это было не одну сотню лет назад. Он был богатым и довольно сумасбродным рыцарем-картежником, имел кличку Бешеный Барон и изобретал необычные вещи. О нем ходит много разных баек: например, как он создал летательный аппарат, испытал его, сломал ключицу и ногу в трех местах и выжил. Зато умер, поскользнувшись на куриной кости и выпав из окна. Есть люди, обладающие феноменальным везением: им всегда выпадает цифра тринадцать, они постоянно встречают черных кошек и рассыпают соль. Наверное, Вуги из них. И, наверное, трудно быть рыцарем, когда ты неудачник.

Несмотря на все это, после смерти он сдал Экзамен Духов на высокий балл и получил лицензию второй категории. Учитывая, что категорий всего двадцать четыре, это высокий ранг, делающий его весьма крутым. Вуги может быть почти материальным, может – прозрачным. Может брать в руки предметы. Опасный, полезный тип, на которого побоялись в свое время заводить досье. Пожалуй, даже рядом с досье трех инопланетян и вампира оно выглядело бы дико.

Вуги в Городе не первый год: Ставка Духов – главная призрачная контора – сначала отправила его в собственный замок, потом, по неизвестным мне причинам, – сюда, через Коридор. Он потерял некоторую часть своей памяти и облюбывал дом, где сейчас находится наш штаб.

Первая встреча с Вугингеймом Баллентайном, или Бешеным Бароном, была неприятной. Недовольный, что его потревожили, он всеми силами старался нас прогнать. У Элм до сих пор осталось несколько седых волос после его шутки с летающим гробом, Вэнди же не

может спокойно смотреть на червяков, а Дэрил – убежденный атеист – обвесил комнату иконами и распятиями. Но потом Вуги к нам привык и оказался отличным напарником. Хотя на некоторые ловушки, придуманные им от скуки и расставленные по дому, мы натываемся до сих пор.

Как ни странно, никто лучше нашего призрака не разбирается в технике. Он работает с нашим оружием, камерами, каналами. Благодаря ему в Городе существует компьютерная сеть для обмена данными: Вуги проложил ее по образцу земной и называет Интернетом. Многие технические новинки Земли ему хорошо знакомы, и до того как стать частью команды, он развлекался тем, что ошивался в Академии и подкидывал ученым идеи. Дорисовывал их чертежи, нашептывал и завывал что-то на ухо или придумывал еще какие-нибудь оригинальные методы, после которых некоторые ученые отправлялись в дурку. Зато другие получали гранты и министерские премии. Вроде в биологии это называется естественный отбор. Полезно иногда быть чокнутым, правда?

Если бы Вуги мог оставаться частично материальным дольше чем час в день, он, наверное, просто устроился бы работать в Академию и мы даже не познакомились бы. Но как бы силен он ни был, он остается мертвым.

– Как самочувствие, Эшри? – Вуги хватает с тарелки последний тост и отправляет его в рот. Следующая фраза произносится уже невнятно, с жевательными паузами. – Ты же наверняка не голодная?

Он может сожрать все что угодно, например, машину средней величины. Большая часть призраков, скорее всего, равнодушна к еде, но Вуги исключение: он без нее не может. Неизвестно, что происходит с продуктами, попавшими... туда, где у людей находится желудок, потому что больше никто их не видит. Феномен. Впрочем, Вуги и есть ходячий призрачный феномен.

– Все отлично. И да, кушай, детка, смотри не лопни.

Как я себя чувствую, меня спросили уже несколько раз. То ли три, то ли четыре. Ненавижу болеть.

– Что это у вас? – Призрак с интересом смотрит на тетрадь в руках Элмайры. – Где-то я такое видел. – Он внимательно изучает замок, беспокойные длинные пальцы стучат по металлической блямбе. – Вскроем?

– Может, не стоит? Это чужое! Она это укра...

– Вовсе я не...

Не слушая, наш ученый хватается за тетрадь и начинает ее трясти, а затем от души бьет ей по столу. Замок, разумеется, хоть бы хны, он остается на месте... Стоп! А что упало к ногам Элм?

– Осторожно, кретин!

Она наклоняется: лист белой бумаги, сложенный пополам. В углу небольшой знак – летучая мышка над полумесяцем. Герб мне знаком. Судя по озадаченным лицам Элм и Вуги, им тоже. Элмайра переворачивает лист другой стороной.

– Тут написано «А. Сильверстоун, библиотека № 6, фонд № 12-б. “Дети Гекаты”». Как думаете...

Вуги заглядывает ей через плечо, и его тонкие брови сдвигаются к переносице.

– Этот почерк. Эта мышь... – Призрак рассеянно чешет в затылке. – Я знаю, чья это вещь.

– Знаешь?

Взгляд Вуги неожиданно становится настороженным. Так же настороженно звучит его негромкий голос:

– Где ты нашла это? Ты ведь это... нашла?

– Поправка. Она это сперла.

– Эшри! Ох... ладно, Вуги. Кто-то шлялся по золотохранилищу. Мы влезли проверить, и в одном из сейфов я взяла это. И мне уже тогда показалось, что... Стоп, что ты на меня так пялишься?

Вуги слегка пожимает своими узкими плечами. И, отлетев на небольшое расстояние, сообщает:

– Это тетрадь Лютера. Там была такая бумага. Я видел, как он писал в ней, даже выклянчил лист, когда мне пришла в голову какая-то идея, и...

– А может, – перебивает Элм, – ты еще знаешь, что он, как примерный мальчик, посещал библиотеку № 6?

Призрак категорично мотает головой:

– Хм. Сильверстоун... даже по моему мертвому мнению, отвратный тип. А шестая библиотека – лютая дыра. Вы же помните, там и нет нормальных книжек. Туда никто не ходит, кроме этих мерзких остроухих крыс.

– За что ты так не любишь кошек?

– Хм... может, потому, что в мои времена их сжигали?

– В твои времена и женщин сжигали.

– А кто сказал, что я их люблю?

Вуги и Элм препираются все оживленнее. А я растерянно размышляю.

Приют «Алая звезда», где мы выросли, расположен недалеко от библиотеки № 6. Я помню высокого старика, прямого, как палка, по слухам – землянина. Почти каждое утро он сидел на крыльце своего забытого «храма», где хранятся одни только политические труды, документы и газеты. Старик курил трубку, а окрестные кошки сбегались к нему – пить молоко, которое он оставлял в цветных блюдах на ступеньках. Кошек старый библиотекарь любил больше, чем детей: нас он называл не иначе как «сопливые отродья сатаны».

– Не знаю, почему я говорю это... – Элм возвращает меня в реальность, – но давайте заглянем к старикану ближе к вечеру? Вдруг Лютер... ну, к примеру, дал ему ключ?

– Зачем? – я провожу ладонью по металлической полосе, потом по обложке. – Может, здесь его стихи? Или порнорассказы? Или...

– Лютер вряд ли просто так потащил ее с собой туда, в *тот день*. И его вряд ли убили просто так. Лучше узнать, что за делишки связывали его с этим типом. А мы все равно сегодня свободны.

– А это похоже на тайну! – поддакивает Вуги, взлетая и описывая под потолком круг. – Только прихватим Хана. Он вчера отчалил домой после того, как они с Бэном патрулировали Юг. Может, при взгляде на его рожу Сильверстоун вспомнит, что вообще-то обожает гостей?

Элмайра возмущенно фыркает. Я опускаю глаза на черную обложку и трогаю ногтем дыру.

– Эш? Ты в деле?

– Конечно. Не валяться же мне здесь...

– Скуби-Дуби-Ду-у!

– Заткни-ись!

В глубине души я не уверена, что наша идея имеет смысл. Но ведь мы всегда можем

остановиться? И остановимся, когда старик с трубкой и кошками пошлет нас к дьяволу. Разве нет?

* * *

Город, в отличие от меня, жаворонок: просыпается рано, уже часов в шесть. Зажигаются фонари, открываются магазины, начинают ходить автобусы и трамваи. Первые прохожие спешат: на ненавистную работу, в ненавистные школы и ПТУ, в не менее ненавистный Общий Университет. Люди гуляют с собаками, идут за продуктами на рынки. И кажется, что ты живешь в нормальном, по-своему милом местечке, где нет ни темных подворотен, ни мертвых ангелов над крышами. И веришь в этот обман, пока в очередной раз не начинает истерично вопить сирена.

Что-то случилось. Спешите, герои.

Странно... огромная толпа, движущаяся по направлению к центру, необычна даже для середины дня. Такое увидишь разве что в День города, на Первомай и Четвертого июля, либо в ежегодные Спортивные недели. Но сейчас до всех этих событий далеко. Я машинально провожаю людей глазами: вид у них вроде как вполне обычный, никакого оружия, и...

– На митинг, что ли? – Элм смотрит в ту же сторону. – Вану это не понравится.

– Митинг? – Прищурившись, я рассматриваю идущие перед толпой и позади нее группки девушек и юношей в зеленых куртках и красных шарфах и мгновенно успокаиваюсь. – Благотворительная организация «Жизнь» опять тащит кого-то на массовую зарядку.

– Трясти задницами в парке? Присоединимся?

В ответ я только хмыкаю. Зеленые куртки пропадают из поля зрения. Вуги смотрит на высокий шпиль мэрии, виднеющийся даже издалека.

– Лучше бы митинг. – Что-то колючее чувствуется в его тоне. – Кое-кому не помешает встряска. В последнее время они совсем...

– Вуги, перестань, – довольно резко одергивает его Элм.

Он затыкается и пожимает плечами, буркнув: «Да я-то вообще уже мертв, мне плевать». Я бы, пожалуй, хотела, чтобы он продолжил. Потому что он прав, именно поэтому Элм бесится.

У нашего мэра есть целых две крайне сомнительных опоры в законодательной ветке власти. Партия Единства и партия Свободы. «Единоличники» и «свободные», с одинаково красными знаменами и чуть разными черными эмблемами на них. И... чуть разным хламом в головах.

«Единоличники» у руля, и они всегда там были: на выборах они получают большинство. Та половина населения, которая считает долгом проголосовать, верит в них – в вялые инициативы в медицине, оборонке и образовании, во всем, что знаменует собой стабильность. Верит намного сильнее, чем в теоретически существующую планету Землю и теоретически существующие города без темноты и белых тварей. Наши горожане вообще довольно терпеливы, их достаточно вовремя кормить и по возможности не пугать. Не дергать по пустякам, не забивать головы. И ставлю сотню долларов на то, что вторая партия никогда не получит перевеса. «Свободные» в качестве альтернативы чаще всего орут, что надо что-то делать: именно поэтому при их упоминании в прессе ставят кавычки. Несмотря на шум,

никакая «свобода» не приближается. Так было, сколько я себя помню, и я никогда не сомневалась, что так будет дальше. Но... в книгах перемены часто начинаются с трех слов. «В последнее время...».

«В последнее время» – не название новой эпохи. «В последнее время» разлито по улицам, из-за него кажется, что мир немного... сдвигается. «В последнее время» прокрадывается в мысли и сны, и, как бы я ни старалась, не замечать этого не получается. Оно близко – это «В последнее время». Дышит в затылок. Надеюсь, у него нет ствола. В последнее время... в партии Свободы *что-то происходит*. Это показатель, учитывая, что в наших партиях обычно не происходит ничего.

Первым новшеством, как ни странно, стали мы. Наш отряд. Именно «свободные», точнее, один из них, собрал нас вместе – под недоверчивыми взглядами «единоличников» и народа. На этого человека мы работаем, за него голосуем. Мы – его «боевая свора», так о нас говорят. Мы ничего не решаем, но в том числе и из-за нас фраза «в последнее время» стала появляться чаще. В газетах. В разговорах.

Из-за угла внезапно раздается знакомая музыка, и я разом забываю о толпе, о партиях, обо всем. Кожа покрывается мурашками, руки сжимаются в кулаки, и будь у меня шерсть – она бы точно встала дыбом. Скрипучая мелодия просачивается в мозг, словно там открылась музыкальная шкатулка, механизм которой давно заржавел.

– О, Белый Билли! – радостно облизывается Вуги. – Фургончик!

Да, я без труда узнаю небольшую машинку с тонированными стеклами. К ней бегут мальчики и девочки с площадки у ближайшего дома: мелькают комбинезончики, шапки, ленты в косичках. Перезвон голосов слегка заглушает музыку. Но дети слишком малы, чтобы закрыть надпись на корпусе автомобиля.

Вкус детства найдет тебя везде. Попробуй и беги играть.

Из всей рекламной мути, написанной цветными буквами, в сознании пульсирует только предпоследнее слово.

Беги.

Нет, не так.

Лучше беги. И поскорее, пока машина не встала у тебя на пути.

Призрак оживленно потирает руки:

– Элм, будь другом, а?

Господи, ну почему этот призрак вечно голоден? Подруга делает шаг к фургончику. Я хватаю ее за рукав куртки, она оборачивается и смотрит на мои сжатые пальцы:

– Огонечек, хватит! Тебе скоро на пенсию, а ты боишься фургона с мороженым!

Она права. Я боюсь. *Очень боюсь.*

Он ездил здесь, сколько я себя помню. Казалось бы, что ужасного может быть в старом добром Билли, в фургоне с веселой надписью и нарисованными эскимо? Подумаешь, лица мороженщика не видно в открывающемся окошке, точно внутри кабины такая же тьма, как и за пределами Города. Но мелькают его руки в белых стерильных перчатках, и руки кажутся какими-то непропорционально длинными. Подумаешь...

Действительно, ерунда. Кого в Городе удивишь темнотой? Да, машина никогда мне не нравилась. Но бояться Белого Билли я стала только лет с десяти. Когда он утащил Лавайни, темноглазую девочку из нашего приюта, напоминавшую красивую куклу, с не менее красивым именем. Мы не дружили: она не особо-то была общительной. Взрослые говорили: отсталая или немного сумасшедшая. Вся в себе, с вечно запачканными мелкими пальцами:

она любила рисовать цветы и бабочек на асфальте и на стенах. Безобидная тихоня. Ее все знали и, в общем-то, любили, а библиотекарь Сильверстоун даже разрешал ей гладить кошек. Он никогда не прогонял ее и называл странным словом. *Юродивая*. Она... Порой казалось, она спит наяву.

Перед тем как пропасть, она впервые нарисовала на полу коридора что-то другое – круг, исписанный непонятными знаками. Язык знаков был странным, и когда кто-то из воспитателей спросил, что это, Лавайни широко улыбнулась:

– Милое заклинание.

– А зачем оно тебе?

– Чтобы было с кем поиграть.

– У тебя же есть друзья.

– Я не люблю людей. Тот дядя... он красивый. Он сказал, что научит меня летать.

Ее отругали. Знак – круг с переплетающимися тревожно-белыми значками – быстро смыли. А вечером мы вместе покупали мороженое. Так получилось. Просто получилось.

Я очень хорошо помню: пустая площадка, Лавайни встает на носки и протягивает монеты. Белые руки ее хватают. Она не кричит, даже машет мне. И пропадает.

Пока я пыталась позвать полицейского, Белый Билли уехал. Лавайни не нашли, моим рассказам никто не поверил. Все подумали, что ее украли или она просто убежала, тем более она была такая чокнутая... Но это неправда. Я так и не поняла, что случилось, но до сих пор вжимаюсь в стену, когда вижу Белого Билли. Вот такой я герой. Ха.

Через пару недель в приюте появилась Элмайра, которая была менее чокнутой. Вскоре про Лавайни забыли, а Элм не боялась фургона, а еще... она видела мороженщика и в деталях описывала его внешность! Кстати, она говорила, что продавцы меняются. Один раз она рассказала про усатого мужчину с трубкой, в другой – про маленького и лысого, с трясущейся челюстью, в третий – про высокую даму с бледной кожей и неестественно яркими губами. Еще много-много других, и у всех – абсолютно неподходящая для такой профессии внешность. Гадкая, скользкая, мрачная. Больше их не видел никто из приютских. Мы думали, что Элм врет. И мне легче думать так даже сейчас.

Я неотрывно смотрю в спину Элмайре. Вокруг обеих моих рук вспыхнуло пламя, и я пропускаю мимо ушей совет Вуги успокоиться. Элм здоровается, достает кошелек. Я готова атаковать или броситься вперед. Схватить ее за ногу, если что, начать орать... Но она уже возвращается, держа в руках три вафельных рожка.

– Будешь есть? Он посыпал их орешками!

– Нет, спасибо.

Ненавижу мороженое. Зато Вуги-то как рад: он нагло завладевает еще и моей порцией. Я поспешно напоминаю себе о том, что и у него должны быть радости, – сладкая дрянь еще не повод на него злиться. И я небрежно интересуюсь:

– Кто на раздаче?

– Усатый, с трубкой. Мне кажется, он местный: я видела его портрет в какой-то очень старой газете. У него еще темные глаза и широкое лицо. И фамилия вроде Свинцов или... Железняк. Что-то металлическое.

Фургон снова срывается с места и исчезает в переулке. Никогда не угадаешь, где он будет в следующий раз, и надпись на боку не лжет: *он найдет везде*. Иногда он появляется даже на острове Хана. Непонятно, как машина попадает туда... но я не удивлюсь, если четырехколесная тварь еще и плавает. *Или летает*.

Вуги теперь полностью видимый. Слишком подозрительно бы смотрелись два плывущих в воздухе рожка. А так – просто лохматый, перемазанный шоколадом парень в растянутом черном свитере и джинсах, обычный чудак, который без зазрения совести таращится на Элм, облизывающую свое мороженое. Чертов извращенец.

Мы пересекаем приозерный район Андерлейк и вдыхаем прохладный запах Большой Воды. Она сегодня в хорошем настроении, миролюбиво ворчит и трется о нижние камни набережной. Надо же, и *этот* снова здесь. Еще одна городская легенда из моего детства.

Художник.

Сегодня он накинул на макушку капюшон и как никогда похож на бродягу – особенно с его длинными темно-русыми патлами и перчатками без пальцев. Художник сутулится и не поворачивает головы. Возле его ног стоит маленький стаканчик с явно остывшим кофе. На зеленом картоне виден золотистый круг с черным профилем. Кофе от Лайама Макиавелли. Неужели его жалует даже этот тип? Я-то думала, он вообще не пьет и не ест, как какие-нибудь цветы или деревья. И тем не менее, прямо на моих глазах Художник поднимает грязной рукой стакан и делает глоток. По низу стакана и по дну тянется знакомая, повторяющаяся раз от раза надпись.

Аверс или реверс? Как ни крути, невероятный вкус. Аверс или реверс?

– Что ты уставилась, Эш? – Элмайра подпихивает меня локтем в бок. – Красавчик?

– Да иди ты...

Конечно, я смотрю на него не поэтому. Вообще, в Художнике нет ничего особенного – парень как парень, чуть старше нас. Руки растут из нужного места: от его картин захватывает дух, да и если отмыть, его мордашка наверняка симпатичная. Ничего особенного. Совсем ничего.

Есть лишь одно «но»: точно так же он выглядел, когда мне было пять. Та же сережка в ухе, та же гладкая кожа без морщинок, даже та же толстовка с каким-то знаком и тот же длинный джинсовый плащ поверх. Он не меняется, этот тип. Он не стареет, его шмотки не изнашиваются, даже кроссовки остались прежними. Никто не знает, где он живет и как его зовут. Его имени нет в городских базах. В «Желтых страницах». В протоколах полиции. Нигде.

Художник рисует Землю, рисует Город, рисует чьи-то портреты и абстрактные композиции. Вокруг него собирается толпа, нередко кто-нибудь пытается что-то купить. Но Художник редко продает работы. Не знаю почему, но, кажется, он сам выбирает себе покупателя. И многим, очень многим отказывает. А кому-то ни с того ни с сего просто дарит картину, молча и с неизменной улыбкой.

За работой он не обращает внимания ни на что вокруг. Даже сейчас он не смотрит на нас, застывших в полуметре за его спиной и уставившихся в его мольберт. На картине изображена тряпичная кукла, прислоненная к окну и смотрящая на улицу пуговичными глазами. К рукам и ногам привязаны тоненькие белые нити.

Марионетка. Оконное стекло залито дождем. Сквозь капли – смутное алое зарево. В городе вот-вот вспыхнет пожар. Что он заберет с собой? И... не наш ли это Город?

Прогулка перед бурей

Старый раздолбанный катер причаливает, и Хан уже издали машет нам рукой – здоровенная черная фигура, словно вытесанная из камня. Он спрыгивает, и галька осыпается под его тяжелыми ботинками. Он подходит ближе.

– Привет, Бешеный Барон! Привет, Орленок, здравствуй, Путеводная Звезда.

Орленок – это я. Путеводная Звезда – Элм. Когда я только познакомилась с Ханом, они с Элмайрой знали друг друга уже два года и он называл ее так.

Это прозвище... Даже когда люди встречаются, ограничиваются простым набором слов: «солнышко», «детка», «любимая». Элм – Звезда. Особенная. Когда Хан впервые назвал ее так, я спросила, какого черта. Она вместо ответа предложила придумать прозвище мне, и я стала Орленком. Даже сейчас многие зовут меня так, хотя Орленок разучился летать и, кажется, малость спятил. Это немного режет слух, но я не возражаю. Прозвище связывает меня с прошлым, с моими невидимыми крыльями, с моей надеждой. Если надежда сдохнет... что ж, останусь Огонечком. Кроме Элм, больше никто (помимо Дэрила) не использует это личное, оставшееся с приюта, обращение.

– Привет, Хан!

Элм радостно повисает у него на шее, целует в щеку. Черт возьми, я не понимаю их отношений. Вместе курить марихуану, трахаться пару раз в неделю, говорить правду – для Элм это вполне себе «серьезно». Он всегда рядом. Между ними «искрит», «горит» и «все сложно». Сложно, но крепче, чем у тех, кто окольцевал друг друга. Это, наверное, все, что мне нужно знать.

Я предлагаю немного пройтись, прежде чем возвращаться в Город. Мне хочется дойти до места, откуда вчера доносился запах вереска. Элм и Хан удивленно переглядываются: знают, что я не любитель пеших прогулок. Но они всегда уступают моим просьбам, особенно после того, как я вышла из больницы. И редко задают вопросы.

Одинокий Остров – необычное место, похожее на неровно пропеченный пирог. По краям – низкие песчаные побережья, которые часто подтапливает, в центре – горы и плато, окаймленные Олдвудом – Старым Лесом. А в одном месте лес обрывается, переходя в пустошь, – дыра в пироге. Туда редко забредают островитяне: их дома в основном в центре и на побережье. Единственное жилище, стоящее на самом краю пустоши, принадлежит Хану.

Под деревьями Олдвуда темно, но темнота не похожа на ту, что окружает Город. Она живая и полна цветных бликов. Листья на земле шуршат под ногами и все еще не потеряли своих красок. Пробегают белки, взлетают птицы. Больше никаких звуков.

Мы задерживаемся здесь только чтобы пошвыряться листьями друг в друга и поохотать, пугая несчастных птичек. Потом прибавляем шагу, и вот впереди уже спуск, просвет – пустошь. И я снова его чувствую. Легкий приятный запах вереска.

Элмайра ускоряет шаг. Она распустила волосы, и ее темные пряди теребит ветер. Раскинув руки, моя подруга глубоко вздыхает. Осень... И воздух как будто сделан из хрустала... Скоро пойдет снег, возможно, уже завтра. У нас никогда не знаешь, как поведет себя погода. Нужно наслаждаться тем, что тебе предлагают.

Раздается знакомое шипение открываемой банки с каким-то зубодробительным алкогольным пойлом, прихваченным Ханом... Время летит незаметно. Мы разговариваем о ерунде. Все замечательно: плохая выпивка, холодный воздух, тупые шутки и минимум

предчувствий, дурных или хороших. Мы – просто компания друзей, прогуливающихся в выходной. Не герои.

Но вскоре гармонии приходит конец. Поднимается ветер, такой холодный, что продирает до костей. Вчера он тоже был, но я не чувствовала его потому, что на моих плечах был плащ Джона и...

...его руки.

И...

...Ты – красивая.

– Эй...

– Что? – Элм берет меня за руку.

– Кажется, я...

Запуталась. Влюблена. Умираю. Ответ может быть любым, и каждый будет правильным. Или даже несколько.

– Ты – что?

– Да ничего.

Я опускаюсь на пожухлую траву, откидываюсь и смотрю на облака: они причудливой формы, белоснежные, точно мазки краски из баллончиков, какими подростки разрисовывают стены. Вдруг я представляю: рука гигантского хулигана с таким баллончиком нажимает на кнопку – и вот они, белые полосы и клубки. Так, наверно, они рождаются. По крайней мере, Старший офицер Бог (а я часто представляю его каким-нибудь Старшим офицером) мог бы пускать по небу немало хулиганов.

Я поворачиваю голову: сбоку вздымаются вересковые стебли. Отдаленно доносится голос Вуги:

– Запахи я не чувствую уже давно. И вообще. В последнее время я стал как-то часто думать...

– О чем, Вуги?

Элм отпивает из банки и улыбается ему, но в ее глазах появляется тревога. Она понимает, что ответ ей не понравится. И мне тоже. Мы привыкли, что там, где нет шума и движения, Вуги начинает грузиться. Может, поэтому мы обычно гуляем в Городе... если вообще гуляем.

– Мне когда-то сказали, у призрака есть другой путь.

– Ты хочешь в рай? – коротко спрашивает Элм.

Она верит в это, и у нее есть причины. Я, пожалуй, тоже. Хотя мы обе не видели рая и, пожалуй, спутаем его с любым местом, где нет крошечного мрака.

– Да, наверно, это называется так. Плата символическая: забвение. Ни привязанностей, ни боли, ни вкуса вот этого алкоголя. Если Отдел исчезнет, я уйду. Это похоже на своеобразную... эвтаназию.

Исчезнет? Интересно, я одна понимаю, что за «если Отдел исчезнет» скрывается «если вас перебьют»? Наверное, нет. Элмайра тянется к призраку и ерошит ему волосы:

– Хватит пороть чушь. Ты спятил? Неприятностей, которые надо разгребать, хватит еще лет на пятьдесят! И... – Она осекается. Хмурится. – Вуги, не смей. Мы пока не нашли все твои ловушки в доме.

– Серьезно, – я присоединяюсь к подруге, – выше нос, Вуги! Мы всегда будем рядом. Если ты будешь с нами.

Призрак благодарно кивает. Жаль, я не знаю, верит он нам или нет. И верю ли я себе.

После Лютера стало ясно, что в нашем случае обещания крайне зыбки.

– А вообще-то я не понимаю Дмитрия. – Хан отставляет в сторону банку с выпивкой. – И эти его правила. Не ссориться. Выручать. Присматривать друг за другом, точно няньки. На моем корабле все было не так.

– Что в этом плохого? – Элм пристально вглядывается в его лицо.

– Это чушь. На тебя насаждают сразу шестеро антроидов, а ты должен еще и следить, что делает твой напарник. Кретин типа Грина. Я никогда не был способен на такое.

– Даже ради меня?

– Ты знаешь.

И я знаю. Они ведь почти всегда стоят в двойках вместе.

– Дурень.

Элм отворачивается с улыбкой. Она видит, что я, лежа на траве, наблюдаю за ними, хочет сказать что-то, но, внезапно передумав, откидывается назад и прислоняется затылком к плечу Хана.

– Ты любишь меня?

– А это точно то, что тебе от меня надо?

И они громко смеются. Ветер усиливается.

Повисает молчание, нарушаемое только мягким шелестом вереска и плеском воды где-то внизу. Вуги закрывает глаза: он словно заснул, застыв в воздухе. Призрак стал почти бесплотным – сквозь тело просматриваются темнеющий лес и далекая темнота. Будто... его нет. Вообще. И я ненавижу, когда он так делает, мне сразу хочется чем-нибудь в него бросить. Потому что тогда волей-неволей мы перестаем существовать вместе с ним.

* * *

На набережной нет ни одного человека. Ушел даже Художник, хотя иногда он проводит здесь часы напролет, а ведь еще довольно рано. Рано, даже несмотря на то, что в Городе быстро смеркается. В половине шестого люди еще ходят, на дорогах даже бывают пробки. Сейчас же... абсолютная пустота.

Пустота встретила нас на пристани, где оказались на месте все лодки.

Пустота в прибрежных закусокных.

Пустота в тусклом ряду магазинчиков: виднеются таблички – «закрито» и «closed» вперемежку.

Та же пустота и в переулке, куда мы сворачиваем: свет горит лишь в двух-трех квартирах на самом верху. Ни звука радио из приоткрытых окон. Ни одного велосипеда и ни одной машины, которые обычно паркуются где ни попадя. Ничего живого. А еще... небо не успело потемнеть, но стоит задрать голову, и накатывает странное ощущение.

Тьма предельна.

Гребаный Коридор. Он приблизился. Он навис над нами и внимательно наблюдает.

Будто мы последние, кого он еще не сожрал.

– Спят все, что ли? – Вуги недоуменно оглядывает громады многоэтажек, потом тоже задирает голову. – Как-то... жутковато.

От него особенно приятно услышать что-то подобное, особенно учитывая, что он опять прозрачный. Экономит силы, мало ли что. Элмайра, подхватив Хана под руку, решительно

прибавляет шагу.

– Думаю, по дороге встретим кого-нибудь. Андерлейк – шумный район. Хотя бы толпу студентов, они должны идти в бар или в кино. Сегодня крутят «Неуловимых мстителей», а ночью «Невесту Дракулы».

Один переулок, другой, третий. Пусто. Ни студентов, ни детей, ни даже дворников или бродяг. Закрыты бары, аптеки, гастрономы. Во дворике, где мы видели Белого Билли, тоже никого, только поскрипывают старые качели. Два поворота, еще два проулка – и впереди уже возвышается здание библиотеки № 6, с широкой колоннадой и красивыми женскими ликами под самой крышей. Не горит ни одно окно.

– Черт! Он что, ушел? – Элм тихо шипит от злости, собираясь ударить по ступеньке крыльца. – Я вообще думала, он тут ночует!

Я поднимаюсь по лестнице и нажимаю на дверную ручку:

– Открыто. Возможно, он только собирается. Запирает фонды, проверяет, выключен ли свет или...

– Зайдем.

Хан оттесняет меня плечом и исчезает в коридоре. Через несколько секунд я слышу его недовольный возглас: кажется, он столкнулся со шкафом. Хан плохо видит в темноте, намного хуже, чем люди. Пожалуй, лучше пойти за ним, пока он не разнес что-нибудь, за что мы потом не расплатимся.

Вуги просачивается прямо сквозь стену, мы с Элм переступаем через порог. Вокруг кромешная темнота, лишь фигура призрака излучает совсем слабое свечение. И разумеется, никто из нас не взял с собой фонарик.

Щелчком я зажигаю на пальце маленький огонек, рядом тут же словно вспыхивает лампочка: Элмайра держит в руках свою «волшебную палочку», на кончике которой подрагивает желтое пламя, – сначала оно совсем блеклое, но постепенно становится все ярче.

В детстве Элм колдовала без палочки. Мысль завести что-то подобное появилась у нее, когда мы стали читать легенды. Все тот же король Артур, бок о бок с ним – мудрый Мерлин в колпаке. Нигде в легендах вроде бы не упоминалась никакая палочка, но на паре картинок она была. Недолго думая, Элм украла чью-то указку и стала моим Мерлином. Она говорила, так даже проще – использовать «проводник». С тех пор она с ней не расстается, даже сейчас, когда мы выросли. Мечте Вуги расщепить палочку и исследовать на предмет наличия магического заряда вряд ли суждено сбыться.

Мы вчетвером идем по коридору из книжных шкафов. Оглядываемся. Прислушиваемся. То и дело останавливаемся и стараемся держаться друг к другу ближе.

– Мистер Сильверстоун! – в который раз окликаю я, но Хан раздраженно машет рукой:

– Тут никого нет. Попробуем завтра утром, или позвоним, или...

И тут Элмайра останавливается как вкопанная. Пальцы с длинными острыми ногтями сжимают мое плечо.

– Черт!

Перед нами на паркете лежит человек. Судя по росту и седине, – тот, кого мы искали. Рядом поблескивают осколки разбитой бутылки и маленькое белое блюдце с синей каймой. В стороне валяется курительная трубка. Элмайра поддевает ее ногой, пинает и нервно хмыкает:

– Ну уж нет. Слишком напоминает дешевый детектив. Убийца – дворецкий?

Никто не отвечает ей. Мы будто окаменели, а темнота словно подступила к нам ближе. Первой очнулась я.

– Мистер Сильверстоун? – Я наклоняюсь и щупаю пульс. – Вы... себя плохо чувствуете?

– Орленок. – У Элм слегка дрожит голос. Она тоже подходит поближе, поводит палочкой вниз, и я невольно жмурюсь. – Не думаю, что человеку, у которого из головы торчит топор, поможет врач.

Кровь все еще идет. Она стекает тонкими струйками по шее Сильверстоуна и смешивается с разлитым молоком, причем я даже умудрилась запачкаться, когда наклонялась. Несмотря на это, я прижимаю ладонь ко рту и отворачиваюсь. Я видела много трупов с тех пор, как стала *героем*... но от крови меня по-прежнему воротит. Трудно объяснить, с чем связан этот страх.

– Эш, ты зеленая. Отойди. – Хан мягко прячет меня за свою спину. – Чья работа, интересно? И зачем? – Сделав пару шагов, пират осматривает пространство вокруг трупа. – Ювелирно: все мозги остались на месте... но вряд ли способны хоть немного работать.

Я устало прислоняюсь спиной к стеллажу. Лучше бы я не видела, как пират зачем-то окунает в разлитое молоко палец и облизывает его. Впрочем, от этого зрелища кривится даже Элм, буркнувшая: «Уважай мертвых, придурок!»

– Полицию вызовем? – подает голос Вуги.

– Мы явно не те, к кому они поедут с радостью, но надо. И... черт!

Элмайра делает пару шагов назад и вдруг снова замирает. Затем она подпрыгивает и брезгливо отряхивается.

– Мои сапоги! Я во что-то вляпалась! Какая-то дрянь! И вы тоже...

Теперь это стало заметным. Мы стоим прямо посреди большой темной маслянистой лужи, отражающей свет. А еще... в тишине поскрипывают разошедшиеся деревянные половицы. Равномерно и неторопливо, в такт осторожным шагам. Я прижимаю палец к губам:

– Слушайте...

Но Элм и Хан уже бросаются между стеллажей. Так быстро, что я не успеваю даже проследить направление, но вскоре вычисляю его по резкому воплю:

– Стоять!

...Я вижу тень, появившуюся в прямоугольнике синего окна. Прыгнув, тень с силой швыряет что-то через плечо, и это что-то вспыхивает в темноте оранжевым. Почти сразу раздается громкий хлопок, в котором тонут звон разбитого стекла, бесшумный удар приземления и...

Дикий грохот вбивается в уши. Хан и Элмайра шарахаются назад и разворачиваются к окну спиной. Теперь они несутся нам навстречу с невероятной скоростью, за ними один за другим падают стеллажи с книгами и разрастается огненная волна.

– Шевелись, Эшри! Двигай! Двигай!

Как хорошо, что я привыкла выполнять команды напарников раньше, чем обдумывать. Я срываюсь с места до того, как горючее вещество, на котором я стояла, превращается в сплошной золотисто-рыжий всполох. Это не мое пламя, оно так же опасно для меня, как и для моих напарников. И оно крайне нетерпеливо: языки уже пляшут на портьерах, стеллажах и даже на потолке. Лезут вверх. Потому что черным залито все, даже некоторые книги.

Черные книги, черные полки. В черном городе.

Элм взлетает, схватив Хана за шиворот: пол под ними пылает, от дыма слезятся глаза. И

все же я замираю на пороге и шурюсь, пытаясь всмотреться вперед. Я почему-то думаю о том, что первым рядом с трупом вскипело разлитое молоко. Запузырилось. Покрылось пенкой...

Вуги, уже наполовину втянувшийся в стену, одергивает меня:

– Сваливаем отсюда! Эш!

В последний раз оглянувшись, я вырываюсь на свежий воздух. Элм и Хан почти вываливаются следом. Подруга неудачно тормозит, и они оба едва не падают с лестницы, но в последнюю секунду приземляются на ноги, все еще цепляясь друг за друга и тяжело дыша. Наконец они выпрямляются, смотрят мне за спину и синхронно произносят:

– Черт!

И я вполне с ними согласна.

Элмайра быстро набирает номер пожарных, говорит им адрес и снова убирает телефон. Странно, но улица по-прежнему пуста, блики пламени почему-то не привлекли внимания. Элм с возрастающей тревогой оглядывается вокруг:

– Двигаем отсюда.

Она быстро идет вперед, Вуги и Хан спешат за ней.

– Надо все рассказать шефу. Я уверена, что Сильверстоуна убили не просто...

– И что мы скажем Львовскому? – Догоняя их, я пытаюсь стереть с пальцев кровь. Не хватало еще попасться копам в таком виде. – Что Лютер во что-то влез, а мы следом? Да он...

Меня обрывает на полуслове дикий крик откуда-то со стороны мэрии. И еще какой-то звук, словно резко щелкнули кнутом над ухом, вот только это совсем не кнут. Хотя... в каком-то роде это самый эффективный кнут на свете.

Это выстрел.

Мы все одновременно срываемся с места.

Перед тем как обогнать Элм и Хана, я оборачиваюсь еще раз и вижу множество кошек, вылезавших из подвалов домов. Кошек тянет к огню, который отражается в их глазах. Вскоре они начинают истошно мяукать. Интересно, неужели эти животные действительно чувствуют мертвецов?

Элм окликает меня, и я с усилием отвожу взгляд. Отключаю рассудок и включаю рефлекс. Готовлюсь к бою.

Но одна мысль все же не дает мне покоя. Всего одна: тетрадь Лютера не может быть опасной вещью. Не должна. Ведь это... просто тетрадь?

Хан тормозит первым, его крепкие руки хватают нас с Элм за плечи и удерживают рядом. Он ощеривается, как собака, проступает оскал.

– Он...

Это очень нехорошее выражение лица. И оно вполне оправданно, как и короткое слово. *Он*. Там, где *он*, что-то почти всегда идет не так.

На трибуне перед зданием мэрии стоит глава партии Единства Ван Глински, собственной персоной. Он спорит со светловолосой девчонкой, то наскакивающей на него, то пугливо отступающей. Чаще все-таки отступающей. С Кики. С *нашей* Кики.

Оклик Элмайры тонет в многоголосом оре: пространство под трибуной заполнено людьми с транспарантами и флагами. Я пытаюсь рассмотреть знамена. Красные, с черно-белыми эмблемами. Все они мне знакомы. Внутри что-то начинает закипать, я мечусь взглядом по лицам. Того, кого я жду, почему-то нет. И, временно выкинув этого человека из головы, я начинаю прислушиваться.

– Хватит лгать!

– Довольно!

– Мы требуем показать нам Землю!

Ничего себе... Так вот куда они пришли, сделав зарядку в парке. Девушек в зеленом больше не видно, что, впрочем, и неудивительно. «Жизнь» вне политики, всегда. Но вне политики раньше был весь этот город. Абсолютно весь.

– Прoberемса сбоку. Лучше... не приближайтесь к ним.

Выпустив нас, Хан первым идет на трибуну. Мы с Элм, а следом плывущий над асфальтом Вуги огибаем толпу вдоль самых стен и поднимаемся по ступеням. Мы держимся друг к другу поближе и готовимся ко всему.

– Кто стрелял?

Хана не слышат. Или, вернее, не собираются слушать, пока не закончат с другим.

– Имейте в виду, мисс Стюарт. Первый предупредительный. Дальше...

Низкий прокуренный голос Глински звучит ровно. И, даже договорив свою угрозу, «единоличник» не обращает на нас внимания. Полагаю, он с удовольствием делал бы так всегда, но обстоятельства не те. Поэтому он просто ждет ответа своей первой жертвы, уже готовя пару фраз для следующих. Я вижу это по его беглому взгляду, брошенному прямо на серое лицо Хана. Тут же он опять обращается к Кики:

– Я прошу по-хорошему, помня, *чья* вы дочь. Немедленно уберите их. Или...

– Я вам не цепная собака!

Улыбка обнажает желтоватые, но крепкие и острые зубы:

– Нет, девочка. Считайте, что вы *собака*. И прямо сейчас вы должны послушаться меня.

– Элм, Эшри! Да скажите ему!

Кики замечает нас. Ей не понравилось упоминание о родителях, равно как и унижительное сравнение. Очень не понравилось. И будучи еще ребенком, Кики Стюарт, конечно же, ищет защиты старших. Поддержки. Не подозревая, насколько эта поддержка хлипкая. Да любая поддержка станет хлипкой, если в тебя вцепился такой человек.

Кики шестнадцать. Прекрасный возраст, чтобы влюбляться и носить короткие юбки, но ужасный, чтобы убивать и быть героем. Особенно когда твои родители – богатые члены

партии Единства. Кики красива, не лишена мозгов, не испорчена деньгами и закрытой школой. Идеальная генетика. Настолько идеальная, что иногда я задаюсь вопросами вроде: «Эй, Бог, зачем ты дал этому ангелочку странные способности и склонность к общению с фриками?» Конечно же, ответа я не получаю. Но ведь правда... чем облучили нашу прелесть, когда она еще была в утробе матери? Она родилась уже со своим «уродством». Прекраснейшим из всех уродств. Кики умеет летать. Быстро, изящно. Как ласточка. Или бабочка, какую приятно насадить на иголку. Кстати, это цитата Дэрила.

Когда семья Кики узнала, что дочь связалась с нами, да еще и попала в *оппозиционную* организацию, детке пришлось скверно. Но девочка здесь примерно полтора года, и она первая, кто принес с собой не только боевую силу, но и немного света. Кики просто чудо: дружит со всеми, терпит грубости, не впадает в истерики по пустякам. Да, ласточка и бабочка. Даже когда надевает обмундирование. Это легко понять, бросив один взгляд на почти белые волосы с тонкими радужными прядками и заглянув в ее серые глаза.

Кики, как и я когда-то, обожает свои полеты: поднимается за облака, исполняет всякие трюки над крышами. Тренируется каждый день. Посмотреть на это выходят многие; среди нас Кики – единственная, кого горожане совсем не боятся. Дети тянут к ней руки, если видят на улице, ее обожают фотографировать журналисты. Если у героев может быть привлекательное лицо... то вот оно.

Но сейчас наша крошка не выглядит милой. Она рассерженно, сжав кулаки, смотрит то на нас, то на стоящего рядом Глински. Тот наконец достаивает нас вниманием.

– Ну-ка... скажите мне что-нибудь... товарищи.

Глински выплевывает последнее слово, сухо кашляет, и на миг невидимые тиски разжимаются. Этого мне хватает, чтобы вдохнуть и взять себя в руки. Соберись, курица. Это политик. *Просто политик.*

Больше всего при нашей первой встрече меня поразили его глаза – серые, цвета неблагородного металла или мокрого асфальта, холодные. Еще косой шрам, рассекающий лоб и переносицу и чудом не достающий до верхнего века. Есть и второй шрам, который идет от левого угла рта по подбородку, он слегка растягивается и багровеет при улыбке. «Слуге народа» с таким лицом трудно доверить свою жизнь. Да даже жизнь голубя или кошки ему доверять не хочется.

Он не признает официальных костюмов, ходит в черном, как и мы. Когда полы военного плаща развеваются за спиной, кажется, будто у Вана Глински крылья, как у старой летучей мыши. На фоне высокого черного воротника – всегда высокого и всегда черного – его лицо выглядит слишком бледным для живого человека, длинноватые темные волосы усиливают это впечатление. Глава «единоличников» не напоминает даже ожившего мертвеца, скорее монстра Франкенштейна, сшитого из кусков. Но если бы при такой внешности он был хотя бы славным малым...

Конечно же, нет. Он считает, что владеет нами так же, как и владеет Городом. Считает себя вправе нам приказывать – и это выводит меня из себя, равно как и его отвратительная жажда крови. Нет, он не пьет ее, в отличие от Лютера, но поговаривают, что Глински весьма равнодушен к расстрелам. Как и к любой возможности показать свою власть и свое положение. Положение второго лица после мэра, а в чем-то – первого. Он помнит каждого своего союзника и каждого врага. И расправляется с последними беспощадно. Мне ли об этом не знать.

– Я теряю терпение...

Перед трибуной стоят военные Северного гарнизона. Их серо-зеленую форму я прекрасно знаю, так же, как и черные повязки с эмблемами на рукавах. Только благодаря этим людям (ну и, наверное, благодаря врожденной трусости), горожане пока держатся на расстоянии от «единоличника». А ведь некоторые не отказались бы его растерзать.

Окрик. Взмах широкой грубой кисти. Один из солдат вскидывает вверх руки с винтовкой. Остальные заряжают оружие.

– Элмайра! – Внимательный взгляд Глински останавливается на лице моей подруги. – Почему Львовский не отвечает на звонки? Это ваша обязанность – всегда быть готовыми к проблемам. Разгоните сборище.

– Мудрых слов ваших друзей для этого мало?

Вкрадчиво прошептав это, Хан усмехается и достает из кармана пачку сигарет. Сует одну в зубы, требовательно поворачивается ко мне... но я прячу руки за спину. Насмешливый взгляд Глински прожигает меня до самого нутра.

– Уберите людей, пока я прошу по-хорошему. – Политик прикусывает уголок губы и тут же ухмыляется. – Если наш мистер Городская Справедливость сочинил для них очередную байку...

– Может, будете повежливее, мистер Глински? – внезапно перебивает Элмайра. – Я могу решить, что вы...

Но ее голос заглушает грохот второго предупредительного выстрела. И опять тишина длится лишь несколько секунд, а потом голоса начинают звучать еще громче, еще требовательнее – брань, смех, крики и монотонное повторение городского гимна сливаются в единую режущую уши какофонию. Я перестаю понимать происходящее. Но кое-что я знаю точно: контролировать *это* уже невозможно. Момент упущен.

– Что ж...

Он всего лишь улыбается, но Элм сдается. Она выдергивает из пальцев Хана так и не зажженную сигарету и бросает ее под ноги.

– Ван! – Терпение у нее кончается, она сбивается на привычное для них «ты». – Неужели ты серьезно будешь стрелять по людям? Ты думаешь, что сможешь убедить кого-либо в законности и правильности своих действий?

Глински отворачивается и отдает военным приказ. Около двадцати винтовок нацелены на толпу, и, глядя на поблескивающие стволы, я отчетливо осознаю: расстреляют всех, кто не будет подчиняться. Нас тоже. Именно так Ван Глински понимает *свой* контроль.

– Расходитесь! Это незаконно!

Охрипший голос Кики еле слышен в гомоне. Девочка явно напугана: она отчетливо чувствует волны чужой злобы и страха. Она все воспринимает остро, склонна к эмпатии, возможно, это тоже ее дар... и наверняка она ощущает что-то между Элм и Глински. Они знакомы очень давно, и так, как моя подруга, с ним никто не разговаривает. *Почти*.

Секунды тянутся, и меня выводит из оцепенения голос кого-то из военных:

– Эй! Что вы себе позволяете?

Хан. Его чертова телепатия. Он выбил взглядом оружие из рук нескольких солдат, и теперь они с удивлением смотрят на свои пустые ладони. Самые сообразительные уже ищут стволы на асфальте, толпа встречает это презрительным смехом и снова начинает подступать к трибуне. Грохочет третий предупредительный, люди пятятся.

– Молодец, красавчик, – хмыкает Элм, но больше ничего добавить не успевает.

– Это нарушение субординации. Ах ты, гребаный инопланетный выродок...

Глински делает шаг к Хану. Они почти одного роста: удивительно, учитывая, что пират значительно выше большинства людей. Политик щурит глаза и тут же, придя к каким-то выводам, скрещивает на груди руки.

– Впрочем, я на миг забыл, кому вы служите. *Он* своего добился – вместо того, чтобы...

Хан отвечает ухмылкой и зеркально повторяет его позу.

– Он ваша проблема, а не наша. И, кстати, ваша проблема платит нам.

Их взгляды встречаются. Взбешенный Глински делает еще шаг и что-то говорит. Но его ответа не слышно: площадь озаряют неровные отблески, и кто-то – кажется, это женщина – истошно визжит внизу, под трибуной. «Единоличник» в бешенстве оборачивается:

– Я еще не давал приказа!

– Они не стреляли... – шепчет Кики. Она побледнела еще больше и крепко сжимает свои маленькие кулаки.

– Тогда кто...

– Ван!

Элм стремительно несется к Глински навстречу. Она спятила, что ли? Внезапно хочет обниматься? Но она отталкивает его в сторону и падает сама, а на том месте, где они только что стояли, внезапно фонтаном разлетается асфальт: выстрелили прямо с крыши ближайшего дома. Вторая очередь проходит сквозь лоб Вуги, образовав маленькое облачко дыма. Призрак только морщится, потирая это место, но я все равно не могу побороть новую волну дурноты.

– Что происходит?

Выстрелы звучат уже непрерывно: грохот пуль, свист лазеров, и всему вторят панические вопли: люди разбегаются, бросая свои транспаранты. Я напряженно всматриваюсь вперед и понимаю, что...

– Хан, вниз! Быстро!

Пират, кивнув Элм, тяжело спрыгивает с трибуны. Теперь все мы видим одно и то же – отряд дроидов, который надвигается организованными колоннами из двух боковых переулков.

В этот раз они безликие, похожи на одетые в броню скелеты. Не орудия Сайкса, что, впрочем, не делает ситуацию приятнее. Одна бесшумная тень скользит по стене и легко, совсем по-кошачьи, прыгает на памятник мэру, готовясь стрелять по Глински. Маленькая алая точка мерцает у политика точно на лбу.

– Прикрой нас! – кричит призраку вскочившая на ноги Элм. – Давай!

Вуги срывается с места и, взлетев, бросается на дроида. Сшибает его на асфальт, запускает прозрачную руку в металлическую грудь. Раздается взрыв, и робот уже не поднимается. Прямо сквозь Вуги проходит несколько лазерных лучей и еще две пулеметных очереди.

– Твою мать!

Вскочив, Ван Глински оттесняет Элмайру с дороги и делает своим людям какие-то знаки. Он пытается перекричать пелену звуков, кашляет, быстро закрыв нос рукой. Удушливый дым, возникающий при соприкосновении лазеров с предметами, все сильнее заполняет площадь, оставляя во рту тяжелый металлический привкус.

Роботы прибывают. У них есть цель. Они оцепляют выходы, отрезая горожанам путь к бегству, забираются на крыши и методично палят по всему, что движется. Асфальт все больше окрашивается кровью, различимой даже в молочно-серых клубах дыма. И это

слишком похоже на запланированную бойню, чтобы быть просто случайностью.

Те, кого не успели застрелить, в основном забились в узкий проход между домами. Люди кричат о помощи, но туда никак не получается пробиться. Одна за другой расцветают ярко-алые вспышки лазеров, крики нарастают, как музыка по мановению палочки спятившего дирижера.

– Прорывайтесь, идиоты!

Глински снова орет на своих военных, а затем расталкивает нескольких и, спрыгнув с трибуны, устремляется туда, где видна высокая фигура Хана. Солдаты следуют за ним и в конце концов прорубают заслон и образуют неровную цепь, пытаясь согнать демонстрантов в более организованную группу. Ван Глински снимает со спины тяжелую винтовку со штыком и сшибает прикладом с ног сразу двух роботов.

– Не пропускать! Пойдете под трибунал, если облажаетесь!

Удивительно... Его движения своей рассчитанной силой напоминают то, как бьется Джон. Новый удар, и у робота взрывается голова. «Единоличника» отбрасывает в сторону, но он тут же поднимается и снова кидается вперед. Про себя я невольно отмечаю ловкость и отточенность его атак, но времени удивляться нет. Прикрывая его, я выпускаю длинный снап огня, расчищаю пространство вокруг. И, напряженно шурясь сквозь клубящийся дым, оглядываюсь внимательнее.

Элм и Хан обрушили памятник мэру: монумент придавил десяток роботов. За эту громаду тут же забежало с дюжину гражданских. Кики и Вуги отодрали от крыши ближайшего дома лист железа и поставили его, соорудив импровизированный щит. Туда немедленно ринулась большая часть военных – выглядывая, словно из-за баррикад, они посылают пулеметные очереди. Лазерными винтовками вооружены лишь немногие – военные и полиция отстают от преступников. Всегда отставали и, видимо, будут.

Хан и Глински, стоящие теперь спина к спине, пытаются расчистить для людей хотя бы один выход с площади. Их постоянно оттесняют к центру, загоня под перекрестный огонь, к тому же пирата уже ранили: периодически он хватается за левый бок. Интересно, долго мы так продержимся? В очередной раз уничтожая робота пламенем и давясь смрадом плавленного синтетического вещества, я ощущаю резкую боль в голове. Вчерашнее ранение дает о себе знать.

– Огонечек, ты цела?

Элмайра, стреляющая зелеными энергетическими шарами с воздуха, окликает меня, но я не совсем понимаю смысл ее слов. Жарко... невыносимо жарко.

– Орленок!

Второй зов какой-то тягучий, липкий, длинный. Таким – липким и тягучим – стало все вокруг. Невозможно даже поднять голову к небу, невозможно крикнуть. Воздух отяжелел и давит со всех сторон. Сердце? Оно уже остановилось. И... оказывается, я замерла и опустила руки.

– Что со мной...

Перед глазами вместо алых вспышек дрожат сероватые всполохи. Мир теряет краску за краской, пугливо ускользает из-под дрожащих ног. Боже, да что это со мной, правда? Элмайра, Хан, роботы... Все застывает прямо на моих глазах, а затем вдруг ускоряется, сливаясь в безумную полосу.

– Помогите мне... пожалуйста...

Я хватаю за рукав какого-то военного, цепляюсь изо всех сил. И вскрикиваю. Потому что

мне кажется, будто ткань рассыпается прямо в пальцах. Это последнее, что я могу сейчас выдержать. В голове раздаётся чей-то пронзительный визг.

Падая, я инстинктивно выставляю вперед ладони. Теперь они разодраны в кровь, на губах остается железный привкус. Я лежу на боку неподвижно и слушаю тишину. Она нарушается лишь чьими-то мерными шагами, отдающимися в висках.

Один.

Еще один.

И еще.

Подошва без каблука, поступь спокойная.

Снова шаг.

– Орленок, как ты? Вставай, все... закончилось.

Голос Элмайры звучит совсем близко. Я открываю глаза. Подруга, сидя на корточках, протягивает ко мне руку. Джинсы на ней грязные, куртка висит ключьями, в волосах запеклась кровь. Белые фигуры дроидов раскиданы вокруг нас на земле, словно во время какого-то ритуала. Деактивированы. Даже не обуглены. Как...

– Ну же, Эш. Ты... можешь говорить?

Железный лист, покореженный и согнутый пополам, валяется на асфальте. Люди покидают площадь, бросая оставшиеся транспаранты и испуганно оглядываясь. Военные уже вызывают спасателей. Солдаты передвигаются вяло, с трудом, точно контуженные. Невольно подмечаю: у большинства из них одурелый вид, как и у меня. А некоторых даже приводят в чувство товарищи.

– Элм... Что случилось? – Я сажусь, пытаюсь сфокусировать взгляд, и с отвращением вытираю о штаны окровавленные руки. – Мы... не умерли?

Подруга молчит, потирая ушибленное запястье и глядя за мою спину. Ее взгляд становится напряженным. Она словно забыла обо мне.

– Вообще-то мы справились бы и сами.

Это говорит Кики: она совсем рядом; полуразвернувшись и привстав, смотрит туда же. Девочку колотит, волосы тоже слиплись от крови, на милом личике застыл страх. Элм механически кивает, будто поддакивая. Голос, мягко отвечающий ей, я узнаю сразу:

– Не сомневаюсь. Но эта штука оказалась быстрее.

И я наконец оборачиваюсь, чтобы убедиться наверняка.

Навстречу, подбрасывая что-то на ладони, идет Джейсон Гамильтон. Джей, как зовут его все в городе.

Нынешний глава партии Свободы.

Наш настоящий босс.

– Жаль, мои ученые пока не придумали иной способ концентрирования энергии: ее хватает лишь на один выброс.

В смуглой ладони мелькает маленький белый шар с голубоватым ободком заряда: искра на несколько секунд ярко вспыхивает и пропадает внутри. Гамильтон бросает крошечное оружие на асфальт, словно шарик жвачки из автомата, и прибавляет шагу.

– Все целы?

Но мы не успеваем ответить. Никто из нас.

– Ты...

Тихое слово действует лучше затрешины или обезболивающего: я мгновенно собираюсь. Голос Вана Глински звучит ровно, даже слишком. Я не вижу гнева и на его лице, но замечаю, как сужаются зрачки. Кажется, будто я чувствую странный железный запах – запах самого настоящего бешенства.

Гамильтон подходит ближе. Переступает уничтоженных роботов и трупы и протягивает «единоличнику», который тоже еще не встал с асфальта, руку. Взгляд – прямой. Никаких лишних эмоций.

– Я, Ван. Кто-то же должен.

Я знаю, что ему не стоило этого говорить. Вряд ли вообще есть человек, который мог бы безнаказанно сказать подобное Вану Глински. Но глава «свободных» редко задумывается о таких вещах, как формальная вежливость. Я поняла это, увидев его впервые.

У него разные, как у дворового кота, глаза: левый карий, правый голубой.

Густые светлые волосы, вечно взлохмаченные, но ухоженные так, что он мог бы рекламировать шампунь.

Часто кривящиеся в усмешке губы и ровный оскал белых зубов.

Одевается он совсем не так, как, по представлениям большинства, должен одеваться политик: обычно мы видим «свободного» в расстегнутой кожаной куртке, светлой рубашке, поношенных джинсах и высоких армейских ботинках. В крайнем случае он в форме, но без нашивок.

Даже очки, надеваемые во время выступлений, не делают его *правильным*. Гамильтон... довольно странный персонаж для места, которое он занимает.

Прямой. Абсурдный. *Выделяющийся*.

У него нет роскошного дома. Нет машины. Ничего, что было у предыдущего лидера «свободных» и есть у каждой третьей шестерки «единоличников». У Джея Гамильтона вид недалекого мальчишки с Юга, помеси ковбоя и игрушечного солдата... но он не мальчишка. Вместо авто и особняка у него кодекс чести – целиком и полностью свой.

Два года у власти не прошли даром: партия уменьшилась в численности, слетело с плеч немало голов, зато деньги, которые выделяются мэром из бюджета, теперь действительно идут на лаборатории и учреждения, отвечающие за безопасность Города. И на нас, его последнее детище. «Цепных собачек», «боевую свору», как говорят шавки Вана Глински. Говорят, повторяя за ним самим.

Да, Ван Глински ненавидит этого отчаянного психопата даже больше, чем нас. Нами он может хотя бы частично управлять, аргументируя это своими полномочиями. Что же касается нашего босса... Он сам себе хозяин. Своей невидимой свободе, которую пытается

подарить Городу. Но не слишком удачно.

– Что ты здесь забыл?

Глински, игнорируя протянутую руку, поднимается с асфальта. Его разбитое лицо непроницаемо, и именно это заставляет Хана сделать маленький шаг. Просто потому, что в кобуре у Вана Глински, как и всегда, лежит пистолет.

Если он выстрелит в упор или просто проломит Гамильтону череп прикладом, мы даже не докажем, что это сделал он. Куча военных вокруг назовет убийцей того из нас, на кого «единоличник» покажет своим явно некогда переломанным, длинным, кривым пальцем. Они поддержат того, кто командовал ими на протяжении многих лет, – а он руководил Департаментом Безопасности, все об этом знают. Он остается во главе армии даже теперь, когда сам спорол погоны со своей формы. А такая власть – власть без должности, подкрепленная только верностью, – опаснее всего.

– Что случилось?

Глински резко хватает его за ворот куртки и пару раз сильно встряхивает. Он вполне мог бы оторвать противника от земли, не упрись ему в подбородок пистолет. Гамильтон усмешается, не опуская глаз, но убирает оружие, едва «единоличник» разжимает руки.

– Вот так. А теперь еще раз: что произошло?

– Это ты спрашиваешь? Ты настроил людей?

Он все еще дышит хрипло, часто, со странным болезненным присвистом. Но в целом уже справился с собой: оба вопроса заданы без крика. Гамильтон задерживается взглядом на длинной ссадине на его широком лбу, затем хмурится и поднимает бровь:

– Настроил... на что?

Он смотрит все так же прямо. Без вызова, с искренним беспокойством. «Единоличник» вдруг расцветает в кривой злобной ухмылке.

– На что...

Он подбирает винтовку, вешает обратно за спину и засовывает изуродованные шрамами руки в карманы. Затем он наклоняется – а ростом он выше Гамильтона почти на голову. Бросив взгляд на валяющийся неподалеку транспарант с надписью «За свободу!», он сладким голосом предлагает:

– Попробуй включить мозги, деревенщина. И объяснить, как ты нашел нас, если не знаешь, зачем искал.

Элмайра толкает меня в бок, и я понимаю, о чем она подумала.

Слова Глински разумны. Кто еще мог спровоцировать горожан прийти к мэрии и выкрикивать *такие* лозунги? С вобода, смерть, ложь, Земля... Все это из партийной программы Джейсона Гамильтона. Его геройское явление перестает выглядеть внезапным и начинает немного пахнуть...

– И своих выродков ты подослал! – Глински показывает в нашу сторону. – Вы действовали по его указке? В сего этого, – теперь его рука указывает под ноги, туда, где валяются покореженные куски металла и то, что еще недавно было людьми, – всего этого бы не было, не разоружи они моих военных.

– Боюсь, *этого*, – Хан спокойно смотрит на политика, – было бы во много раз больше, если бы демонстрацию разогнали вашими методами.

Глински бросает на него короткий взгляд, но не удостоивает ответом. Может, и удостоил бы, но Джей Гамильтон вдруг окончательно теряет терпение. Будто по одному хлопку.

– Что? – Его кулаки медленно сжимаются. – Ты собирался стрелять по людям, потому

что они впервые попросили рассказать им правду?

Возникает короткая пауза, которую почти тут же нарушает низкий смех.

– *Попросили?* Прости... где ты живешь? Точно в моем городе?

Военные громко хохочут. Слишком громко, чтобы я поверила, что им смешно. Гамильтон опускает голову, но тут же снова смотрит противнику прямо в глаза. Оторопев, мужчины в форме сразу обрывают гоготание.

– Этот город – *не твой*.

Они столкнулись лицом к лицу, и тем страшнее молчание, предвещающее бурю. Лишь один раз тишину нарушает промчавшаяся где-то далеко пожарная машина. Ничего больше.

Я старательно таращусь на запачканный асфальт, останавливаюсь взглядом на отколовшейся от памятника голове мэра: греческий нос и пустые маленькие глаза. В неровном свете чудом уцелевшего фонаря кажется, будто на его губах и лбу запеклась кровь... точно так же, как на бледной коже Вана Глински. На моем лице, на лице Элм, на лицах всех, кто смог или не смог встать. Кто вернется или не вернется домой.

– Серьезно? Я же «диктатор похлеще самого мэра»... Забыл, мистер Городская Справедливость? – Глински с вызовом бросает в лицо «свободному» его самое главное обвинение, цитату с каждой третьей газетной полосы. – На что ты рассчитывал? Чего наобещал, что люди с такой готовностью пошли? Ты, который столько лет обходился без публичных спектаклей...

– Я тут ни при чем.

Гамильтон шепчет это, потупившись и побелев. Его кулаки все еще сжаты.

– Тогда кто? И что ты здесь делаешь? Хорошо покрасовался?

Допрос движется по кругу. Умелая провокация, а на этом ублюдок съел собаку. Изошренное давление, которому довольно трудно противостоять, когда ты молод и не совсем уверен, что не облажаешься или хотя бы доживешь до завтра. Конечно, Гамильтон не выдерживает. Ответные слова, сбивчивые и злые, сыплются одно за другим, в гладкой русской речи начинает проскальзывать американский – южный – акцент:

– Гребаная полицейская частота, которую я слушаю, вот что меня привело! Ты серьезно думаешь, что митинговали люди из моей партии? Да не смейся! Я хорошо знаю, чем это может закончиться для тех, кто пойдет за мной. Если кто-то и пойдет. Можешь считать меня идиотом, но я не раскидываюсь чужими жизнями. Может, поэтому я действительно идиот.

Я думаю уже о другом. О том, что такая бойня не сможет пройти незамеченной. Завтра будет статья в газете, а там...

««Свободные» подрывают мир и покой». Подзаголовок: «Отдел профилактики особых преступлений виноват в гибели участников митинга. Раскол или заговор?»

С молчаливого согласия Глински нас не раз выставляли в прессе чудовищами, многие нас боятся, видя, что «единоличник» позиционирует нас как опасное оружие: использовать, но лучше не приближаться.

– Я поверил раз. Другой. Третий. Не всадил в тебя пулю. Но это перешло все границы. Готовься. Завтра у вас будет хороший день со свежей газетой.

Элмайра открывает рот и тут же закрывает его, сердито кусая губу. Джей Гамильтон старательно изображает презрительную улыбку:

– У тебя нет доказательств.

– У меня есть глаза. Куда-то зовешь, что-то обещаешь... Но ты же прекрасно знаешь... – его глаза сужаются, – шансов нет.

Улыбка «свободного» перестает быть натянутой. В его глазах появляется слабый теплый блеск.

– Есть то, во что веришь.

И это главная причина, почему он все еще жив. И именно благодаря этому я никак не могу понять, как я отношусь к Джею, мать его, Гамильтону, а Элмайра, кажется, от него без ума.

Лидер «свободных» вдруг слабо охает и только чудом остается на ногах. Полуприкрыв глаза и стиснув зубы, он начинает снимать, почти сдирать с себя куртку. Все сразу становится ясно: белый свитер разодран, алая полоса тянется по левой стороне груди. Элм делает несколько быстрых шагов, кладет руку ему на плечо и тревожно заглядывает в глаза.

– Господи, что с тобой?

Я знаю: они познакомились еще до того, как он возглавил партию. Тоже какие-то общие темные дела, о которых она не хочет рассказывать. Она спокойно говорит ему «ты» – так же спокойно, как ненавидящий враг. Только с куда более нежными интонациями, от которых Хан нервно и ревниво поджимает губы.

– Я спрашиваю: что случилось?

– Нападение в штабе... – Его лицо кривится от боли. – Поджог. У нас был общий сбор... я не понимаю, кто мог об этом узнать, кроме... – Гамильтон кивает на «единоличника».

Элмайра тянется к ране, но «свободный» останавливает ее руку. Он не отрываясь смотрит на Вана Глински, наблюдающего за сценой с видимой скукой.

– Думаешь, если бы я захотел убрать тебя, я...

Но он не успевает закончить. Его перебивает еще более низкий и глубокий голос:

– Похоже, я пропустил все самое интересное...

Через площадь идет шеф – чуть прихрамывая, опираясь на трость. Все уступают ему дорогу, многие еще и втягивают головы в плечи, будто мечтая стать поменьше. Каждый его шаг гулко отдается в моей больной голове.

Шеф внимательный смотрит в глаза «единоличнику»: сейчас Львовский сосредоточил свое внимание исключительно на нем. Немой поединок длится секунд десять – и Глински сдается. Шеф даже не задает вопросов: он, как всегда, все знает наперед. Скорее приказывает, нежели просто утверждает.

– Статьи в газете не будет.

– Вы все это время были здесь?

– Нет, Ван. Я просто достаточно хорошо знаю ваши способы сохранить репутацию. И еще кое-что: судя по расстроенной мордашке Кики, вы позволили себе некоторую самонадеянность. Уясните, что мои люди – это *мои* люди. Какие бы митинги вы ни спровоцировали, вы не вправе заставлять мисс Стюарт или кого-либо еще подавлять их. И уж тем более грозить за это санкциями. Ни им, ни мне. Подумайте о том, что в первый же день после того, как вы бросите нас под ноги толпе, вам перережут горло.

Шеф даже не повышает голоса. Он смотрит на винтовку у ног «единоличника», и в светлых холодных глазах мелькает легкая насмешка пополам с уважением. Шеф ценит людей, которые не отсиживаются за чужими спинами. Даже если эти люди сильно мешают ему жить.

Он подходит к главе партии Свободы и с некоторым беспокойством склоняет голову к плечу:

– Что с вами?

Гамильтон устало смотрит на него. Кажется, он уже плохо понимает, что происходит вокруг. Но его голос поначалу звучит почти твердо:

– Перочинка. На штаб напали. Сначала кричали, потом стали кидать камни в окна. В итоге они бросили зажигательные бомбы и ждали нас на выходе. А еще нарисовали знак на стене... такой... как змея, свернувшаяся кольцом, и глаз. Знак твоей...

Ему все-таки здорово досталось. Не договорив, Гамильтон закрывает глаза.

«Единоличник» и Элмайра, стоящие ближе всех, слегка поддерживают его и сталкиваются взглядами. Подруга шурится:

– Показухи захотелось? И после этого он все равно пришел нас спасать! Господи, Ван, как ты мог на них напасть? Все и так знают, что ты в городе главный и гадюка с глазом – твой символ!

Глински лишь качает головой.

– Не пори чушь. Я работаю иначе! – Он всматривается в бледное лицо «свободного». – Интересно... может, подохнет прямо здесь?

Элм с трудом сдерживается, чтобы не дать ему затрещину, – видимо, понимает, что даже для нее это ничем хорошим не кончится. Она с нежностью проводит по светлым волосам главы партии Свободы, потом ее руки крепко сжимаются на его правом плече. Так же крепко, как руки Вана Глински – на левом.

– Он герой... – Она почти незаметно касается губами макушки «свободного».

– Вы оба – идиоты.

– Элмайра, нам пора. – Львовский выше поднимает воротник. – Пусть наша элита сама разбирается со своими проблемами. Успокойся и иди сюда. Если ты не забыла, у тебя дежурство.

В его взгляде читается неприязнь, но я не понимаю, кому из них она адресована. Элмайра кусает губы и с неохотой бросает Глински:

– Позови кого-нибудь.

Все с тем же сердитым выражением моя побледневшая взвинченная подруга отходит к шефу, наблюдая, как «единоличник» придерживает Гамильтона за плечи и ищет взглядом машину «Скорой помощи». Наверное, он не ожидал, что окажется в подобной ситуации: на тебе висит заклятый враг, в паре метров – раздраженный Дмитрий Львовский, вокруг – кучи мертвых и живых, причем последние явно не в себе.

Элм поднимает голову и смотрит в темное небо.

– Надо уходить. Не будем ждать ангелов.

Начинает накрапывать дождь, где-то далеко уже слышен гром.

– Что ты предлагаешь мне делать? – Глински все еще пытается удержать Гамильтона в вертикальном положении. Кровь сочится из раны на груди «свободного» все сильнее.

Элм усмехается. Теперь она долго будет мстить «единоличнику» за все сказанное. И за то, о чем я не знаю.

– У солдат не отвалятся руки, если вы отнесете его в больницу. Здесь недалеко.

– Правда, Ван. Уже представляю завтрашние заголовки «Харперсон Дэйли»: «После страшной битвы глава партии Единства уносит противника на плечах!» – Шеф тоже решает поддеть Глински. – Это так в духе нашей живописной дыры, черт возьми.

В его глазах столько затаенной злости, что бедная Кики пятится подальше. Глински собирается возразить, но Дмитрий Львовский решает больше не утруждать себя разговорами:

– Пора, ребята. Давайте по кофе, ночка предстоит долгая. Кстати, Ван, скажите вашим

молодцам, чтобы оцепили площадь и никого не пускали. Позвоните мэру. Ну и так, на всякий случай: если с мистером Гамильтоном что-то случится, вы сами будете дальше нас спонсировать. У нас в планах расширение штата. Хотим взять парочку зомби, например.

Идущие рядом с ним Хан и Вуги дружно гогочут. Наверное, это проявление мужской солидарности. Или потому, что у них расшалились нервы, ведь мне ситуация кажется не очень смешной. Я не доверяю этому уроду и всей его партии. Я не жду от него ничего хорошего... максимум, что он может сделать для Гамильтона, – утопить его в озере в Андерлейке. Но Элм уже подхватывает меня под руку – и мы покорно следуем за шефом. Пошли к черту все политические игры. Как же я устала...

Элм, как всегда, греет руки, обхватив чашку. Мы вчетвером сидим на кухне за широким квадратным столом. Ночью наш отдел согноли в полном составе: Львовский явно опасается повторения беспорядков. Едва ли кто-то радуется этому обстоятельству – обстановка накаляется все сильнее, тишина и неопределенность только усиливают тревогу. Поэтому наспех приготовленные кофе и крепкий чай нас совсем не спасают.

– Мы можем обо всем этом просто забыть. Это была глупая мысль. Да что он мог искать в этой библиотеке...

Рассеянно слушая Вуги, Элмайра хмурится и поправляет волосы. На ее лице читается тревога, скорее всего, подруга думает о Джее Гамильтоне.

– У нас еще есть тетрадь.

Я говорю это машинально, глядя в свою кружку. Темная жидкость, на дне которой плавают чайники, уже ввела меня в состояние, подобное гипнотическому трансу: голос Элм звучит приглушенно, точно мы разговариваем через стену. Наверное, я просто сильно хочу спать. Моя голова раскалывается.

– И что с ней делать, Эшри? В скрывать? Там такой замок, который никак не взломать: страницы пострадают. Видимо, Лютер применял какие-то вампирские штучки, с которыми я не могу справиться. Нужен ключ.

– Ключ... – Вуги задумчиво рассматривает гладкую поверхность стола. Свечение вокруг его лохматой головы совсем слабое – даже наш призрак подустал. – Слушайте, может быть, ключ в его комнате? Здесь, наверху? Лютер ведь единственный жил в здании постоянно. И после его гибели комната заперта.

– Думаешь, он был таким дураком, что оставил что-то ценное здесь? Мистер Глински задал сегодня правильный вопрос, Вуги. Ты точно в *нашем* Городе живешь?

В глазах Хана читается откровенная насмешка. Вуги пожимает плечами, благодушно пропуская его слова мимо ушей. Но меня эта чокнутая привычка подозревать всех просто выводит из равновесия. Такое случается нечасто. Например, сегодня.

– А что в этом такого? – Я поднимаю брови. – Знаешь, еще недавно мы доверяли друг другу. Что-то изменилось?

– Не знаю, Орленок... – Элм хмурится, отодвигая чашку. – Доверяй, не доверяй, а Лютер погиб. Сильверстоун тоже. А ведь знать не мог никто. Кстати говоря... – в ее глазах зажегся хитрый огонек, – мальчишки, а помните, вы отлучались с острова за выпивкой? И ничто не мешало вам, например, быстренько слетать и убрать библиотекаря. Ну-ка, от кого пахнет кошками?

– Точно так же, – Хан с каменным лицом отражает выпад, – вы с Эшри легко могли сделать это еще по дороге на остров. Ты, Элм, могла заставить Вуги молчать, ведь ты же... – он усмехается, – призрачная принцесса? Правильно?

Вуги закатывает глаза, но молчит. Мне не нравятся подобные разговоры. Это все глупо, нелогично, неправильно. Мы знаем, что никто из нас этого не делал. Но шутка уже прозвучала. Не уступит никто.

– Могли. Но ты ведь не проверишь.

– И ты тоже.

Элм подпирает подбородок кулаком, в ее глазах появляется яркий зеленый блеск:

– А Эшри была с Лютером на задании. Может, она его убила? Это вам в голову не приходило?

Кончики моих пальцев мелко дрожат от гнева. Удлиненные треугольные ногти, отличающие меня от людей, царапают столешницу. Пока неслышно. Я держусь. Держусь и слушаю.

– Вот уж не знаю, – не унимается пират, и теперь от его телекинетических волн подрагивает стол. – Ну а тетрадь? Какого черта ты ее таскаешь? Может, ты все уже прочла и... вы, кстати, могли бы быть в стоворе, зная ваши не-е-е-жные отношения.

Элм только фыркает. Я же просто взрываюсь:

– А может, я не разучилась летать? Прикидываюсь, чтобы поубивать вас? А ты... ты сам-то кто? Если хочешь знать, меня не устраивают сказки про твое глубокое раскаяние! Может быть, тебя подослали?

Стол слабо подпрыгивает вместе с чашками. Я чувствую резкую боль – у меня ломается ноготь.

– Замолкни, глупая малявка! Я же просто пошутил!

– Шути с кем-нибудь в койке!

Одна чашка почти опрокидывается, но Элм ее ловит. Я вцепляюсь пальцами в твердую холодную древесину до ноющей боли в костяшках. И это немного отрезвляет.

Напротив – искаженное яростью лицо Хана: на щеках появились серые пятна, он даже скрежещет своими острыми треугольными зубами. Не удивлюсь, если он сейчас замахнется и... Впрочем, я сама вполне готова его ударить.

– Ребята, закроем тему. – Вуги кладет руку Хану на плечо. Пирата передергивает от ледяного мертвого прикосновения, он послушно садится на место, продолжая сжимать кулаки. – Элмайра пошутила, мы посмеялись. Мы вымотались. Вам надо поспать. Среди нас нет убийц и предателей.

– Конечно, нет, Вуги. – Элм натянуто улыбается. – Просто... Ну ладно... Обсудим главное. Что начудили наши одаренные партбилетами товарищи?

Я выдыхаю и смотрю в окно. Стол перестал дрожать, Элмайра, взяв тряпку, уже вытирает расплескавшийся чай, а я вдруг думаю: с нашими силами мы ведь могли бы убить друг друга. Очень легко. То, что этого пока не случилось, – просто случайность. Наконец собравшись, я высказываю предположение:

– Глински устроил поджог, Гамильтон организовал митинг. Это просто совпадение. Глински еще и пометил территорию – раз его эмблема оказалась на стене штаба «свободных». Вполне в их духе.

Хотя, если честно, я далеко не уверена в своих словах. Слишком гладко и просто. Мерзко, но... просто. Глински сказал правду: его карательные акции намного изощреннее.

Я поворачиваюсь к Элмайре; она бросает Хану в чашку кусок сахара и внимательно смотрит на дно.

– А если эмблема – это всего лишь прикрытие? Безошибочный вариант, зная их...

– Как меня достало, что ты его защищаешь, – цедит сквозь зубы Хан.

В следующее мгновение он с противным скрежетом отгрызает черенок ложки – так бывает, когда он нервничает. Вуги тихо фыркает. Элмайра выдирает железку из зубов пирата:

– Как я тебя люблю. Фу. А про Гамильтона... – Она со вздохом бросает остатки ложки на стол. – Предлагаю завтра его навестить, заодно выяснить подробности. Мне кажется, его хотели убить. Я не думаю, что это Ван, но все же...

Вуги задумчиво вертит в руках пустую кружку. Видно, что он сомневается:

– Политической дряни мне хватило во времена феодализма. Хватит. Куда больше меня волнуют дроиды. Чьи они? У Сайкса не было склонностей к публичным экзекуциям, он предпочитает трупам деньги. Как думаешь, Элм... может, сам Глински? Такое радикальное решение проблем...

Но она вновь упрямо качает головой:

– Нет у него роботов. Да и не стал бы он тогда нам помогать. Он пришел с солдатами, и пришел, видимо, по тревоге! Тревоге, о которой по каким-то причинам не предупредили нас!

– Кто-то новый показал себя?

– Откуда этот кто-то мог знать, что мы будем на площади?

– А вас не смущает, что...

– Вуги! Спаси нас! – вдруг раздается в комнате.

В дверном проеме показывается лохматая голова. Бэни с потрясающей фамилией Кряк. Рыжая башка, зеленые глаза, чуть мохнатые заостренные уши. Вот кого не хватало, чтобы окончательно превратить происходящее в дурдом.

Его фамилия действительно выдающаяся. Особенно для оборотня. А оборотень – идеальная замена для вампира. Во всяком случае, так решил тот, кто управляет нашей судьбой, если, конечно, такой тип есть.

Все началось с того, что в Северной зеленой зоне кто-то сожрал нескольких оленей. Этот кто-то нападал и на людей – правда, они, как правило, отделялись легким испугом. Мы ловили его недели четыре, устраивая регулярные засады, но огромный зверь, самый настоящий волк-мутант, все время нас обходил, ухитряясь уложить на обе лопатки даже Хана. Мы не сомневались, что это очередной подопытный, сбежавший из чьей-то лаборатории, и даже собирались пожертвовать некоторой частью наших скромных лесов, чтобы выгнать его при помощи огня и наконец пристукнуть.

Но едва мы приняли это решение и с огромным трудом согласовали его с мэром, произошло нечто неожиданное. Элм, накануне назначенной операции отправившаяся на ловлю одна, вернулась с добычей: за шиворот она тащила низкорослого упирающегося парня в драной одежде. Никто ничего не понял, пока мы не увидели под его волосами мохнатые острые уши с черными кончиками.

Как выяснилось позже, Бэни – очередная жертва Коридора. Он говорил по-южному, у него сохранились обрывочные воспоминания о земном прошлом. Прежде всего о том, как он, не сумев совладать со своей сущностью волка, несся по лесу и тьма поглотила его. Здесь он метался, не способный усмирить звериное «я», и лишь иногда приходил в себя. Дома он вроде бы принимал специальные препараты, которые ему давал кто-то из семьи. Элм просто повезло: она гонялась за ним тогда, когда он еще не успел обратиться.

Пораскинув мозгами и подключив пару лабораторий Научной Академии, Вуги смог разработать средства, эквивалентные описанным Кряком лекарствам. Позже Бэни официально стал новым сотрудником Отдела профилактики особых преступлений: шефу удалось убедить мэра простить ему съеденных оленей. Точнее, дать их отработать.

Забавно, но в человеческом обличье Бэни не похож на огромную тварь, в которую он превращается. С ним приятно пошутить, он устраивает убойные вечеринки на дни рождения, да и в целом... его можно назвать вторым после Кики лучиком света. Немного тупоголовым, но все же лучиком.

– Что произошло?

– Контакты мониторов сдохли. Три штуки. Внешние камеры не давали им сигналов в последние часы. Шеф сказал, в точках, которые они отслеживали, что-то случилось и... О, девчонки, Хан! – Оборотень радостно трясет головой, изображая подобие поклона. – Вы прекрасны в этом освещении!

– Ты тоже, Бэни, – усмехаюсь я.

Он переминается с ноги на ногу и, поколебавшись, задает вопрос, который, видимо, так и рвется с языка:

– Вы... ссорились? Я слышал тут шум.

Хан поднимает глаза. Элм улыбается, накручивая на палец прядку волос, – она часто так делает, когда лжет. И они отвечают почти хором:

– Не понимаю, о чем ты.

– Мы проводили следственный эксперимент.

– А-а-а... Ну, я так и подумал. Это же вы! В уги, пойдем! Львовский рвет и мечет...

– Ребята...

– Иди, спасай технику. – Хан кивает. – Мы посидим пока. Можно перекинуться в картишки...

Я спешно встаю:

– Я устала. Пойду посплю. Если что – будите.

Наверное, это неправильно, но почему-то сейчас мне совсем не хочется находиться рядом с этими двоими. Никого не хочется видеть. Слишком длинный день, пожалуй.

Я прохожу по коридору через комнату наблюдения: Вуги уже вскрыл приборную панель и копается внутри, Бэни стоит рядом, пытаясь подсказывать, хотя в технике он не разбирается. Пара секунд, и они радостно над чем-то ржут. Призрак уже не помнит о наших проблемах и жует чипсы. Его мертвый желудок работает явно лучше, чем его же мертвая память.

Около лестницы разговаривают шеф и Джон Айрин. Я иду мимо, не поднимая глаз. На середине лестницы я оборачиваюсь: Львовский продолжает что-то объяснять, а некберранец внимательно смотрит через его плечо на меня. Я ускоряю шаг, почти бегу, захлопываю за собой дверь в комнату. Ти-ши-на...

* * *

But then I always discover

The bad in every man... [\[2\]](#)

О да, Ширли, ты права. Дерьмо есть в каждом человеке, и как бы славно вы ни ладили, рано или поздно оно шматком сваливается прямо тебе на голову.

В окно стучит дождь: капли разбиваются и торопливо стекают вниз. Прощальные плевки осени, не иначе. Мне давно не четырнадцать, чтобы страдать от резких перепадов настроения, но я сижу на подоконнике, прижимаюсь виском к стеклу и слушаю самое унылое, что есть в плеере. Меня знобит. В который раз я ловлю себя на мысли, что скучаю по себе прежней.

Другой была даже моя музыка. На старых кассетах все казалось быстрым, озорным,

огненным – как мои клички. Ни одной грустной песни. Я не носила черную одежду, мои волосы были рыжее, а нервы... пожалуй, они были крепче. Меня точно нельзя было вывести из равновесия ссорой с типом вроде Хана – приятелем моей подружки, которого я всеми силами стараюсь полюбить. Мир казался проще, больше, красочнее...

Шавки.

Завтра у вас будет хороший день со свежей газетой.

Доверяй, не доверяй, а Лютер погиб.

Глупая малявка.

...Возможно, дело в том, что половину моего мира раньше составляло небо. Это сейчас оно сузилось до кусочка, где сияет созвездие Цепных Псов.

A little hall room can be awfully lonely

And a night can be so very long... [3]

Так шеф и обещал. Долгую ночку. Нам всем.

Я выключаю плеер и иду к кровати. Ложусь, но глаза даже не хотят закрываться: под веки будто насыпали песка. Я сдавленно рычу. Глупо, но если не можешь заснуть, то чаще всего пялишься именно в потолок, будто надеясь, что добрый мистер Бог напишет светящимся маркером по штукатурке решение всех твоих проблем. Или хотя бы нарисует смайлик. А ведь в лучшем случае оттуда тебе на нос упадет капля – особенно если крыша давно течет.

В раздражении я бью кулаком по тумбочке; она валится набок, и из ее нутра выпадает незапертый верхний ящик. Я сквозь зубы ругаюсь и, борясь с желанием спалить все до головешек, возвращаю содержимое на место: зашвыриваю в ящик газеты, старые чеки, записки с напоминаниями оплатить мобильник и купить леденцы от кашля...

Надо же. *Та вещь* здесь. Привет от меня прежней. Тетрадь в обложке с дурацкими розовыми собачками, из «гуманитарной помощи», которую много лет назад привозил в приют Львовский, – мой личный дневник. Пристанище подростковых комплексов, корявых стихов и мыслей, не имеющих значения событий и снов. Пристанище... или скорее что-то вроде склепа. Личного склепа Эшри Артурс – девочки, которая умела летать.

Я щупаю срез, натыкаюсь на обрывок закладки и открываю тетрадь. Над кончиком указательного пальца я зажигаю огонь.

Что у нас тут? Мне одиннадцать. Как мерзко быть сиротой, да к тому же сиротой-мутантом, девочки смеются над крыльями. Нытье. Мечты стать очень крутой, что еще может быть в дневнике подростка? Читая все это, я могу только презрительно кривиться. Вообще есть что-то унижительное в перечитывании собственных дневников, это чувство сродни тому, когда во сне вдруг видишь себя голой. Здесь ты ведь тоже... голая. По крайней мере, без брони, которой ты обрастаешь, когда взрослеешь.

Дальше я пишу о Художнике. Будто в него немного влюблена, так много текста... описание картин, внимательных глаз, улыбки. И вот я вижу странную фразу:

Куплю ему шарф, это будет что-то значить.

Я действительно хотела подарить ему шарф, но так этого и не сделала, не помню, почему. Наверное, мозги встали на место.

Бесконечные страницы, долгие-долгие приютские недели, унылые праздники.

Некоторое разнообразие: записи об Элмайре. Много-много записей об Элмайре. Какая она замечательная. Какая она ужасная. Как бы я хотела с ней дружить.

Корявые рисунки, где я с мечом, а она в колпаке и с волшебной палочкой.

Артур и Мерлин. Друзья навеки, все наши парни – общие. Ха...

Числа, месяцы, годы сменяют друг друга. Мы смеемся, влюбляемся, мечтаем, разочаровываемся. Становимся все больше похожи на самих себя. И постепенно...

Нет.

Нет, я не буду. Пальцы останавливаются, мысль замирает, а огонек становится слабее. Но страница уже открыта. Она всегда открывается легко – заложена сухим цветком. Надо было выбросить его еще тогда... Но я, как всегда, просто кладу его на ладонь.

Последняя запись, сделанная два года назад. Впрочем, это даже и записью нельзя назвать. Только дата: мой восемнадцатый день рождения, и...

Мой волшебник уходит в соседний замок?..

...Это случилось, когда я должна была оставить приют. Мне не терпелось это сделать: непривычно было жить в комнате, где больше нет Элм. На ее кровати уже почти два года спала другая девчонка, в ее тумбочке лежали чужие вещи, а страшилки, которые рассказывала малышня, вызывали только скуку. «Алая звезда» опустела.

Элм не любила распространяться о том, чем занимается, а когда я спрашивала, она всегда отвечала: «Ищу себя». Она приходила в приют редко, а появляясь, забирала меня с собой. Иногда, чтобы потусоваться в клубе или баре, иногда по магазинам, но чаще – просто поболтать подальше от всех. Для этого у нас было *наше* место. Нам под стать.

На Северных окраинах нет ферм: там мягкую почву сменяет каменистая. Тянется и ныряет вниз, где подкрадывается пустырь. От него – от мутировавших растений и диких пуль – отделяет кладбище.

Это особое кладбище. Не для людей: их хоронят там, где почву не надо бурить. Здесь же оставляют то, что не нужно закапывать: технику, вышедшую из строя. Автомобили, приборы, крышки – за много лет тут выросли целые башни искореженного мусора. Да, это настоящие башни, и они искрятся в солнечных лучах. Башни нашего уродливого Камелота.

Тот день я помню очень хорошо: шли перевыборы глав партии, был апрель – холодный, ветреный и ясный. По небу бежали облака, и все они были какие-то бесформенные, и в них можно было разглядеть все, что угодно. Как и в моем будущем, и мне это даже нравилось.

Я и Элмайра сидели на выдолбленных в каменном склоне ступенях и пили дешевое шампанское в честь моего совершеннолетия. Точнее, шампанское пила я, Элм хлебала пиво. Ее от шампанского всегда тошнит.

Элм прикончила бутылку и разбила ее: осколки мерцали где-то внизу. Она сидела чуть выше меня и говорила о «свободных»: какие они замечательные, как хорошо мы скоро заживем. Я не удержалась и спросила:

– А ты, случайно, не сама подтолкнула этого Гамильтона к креслу лидера? И интересно... какой он?

– Хороший.

Больше ничего сказать она не успела: вдруг рядом с нами упал цветок.

Мы обернулись. На несколько ступеней выше стоял парень в растянутой кожаной куртке. Он опустил руки – и на мою подругу обрушился целый дождь из маленьких красных цветов.

– Черт...

Цветы ложились на ее волосы, падали на плечи и на колени. Элм замерла, склонив голову. Кажется, в ту минуту она разозлилась. А может, и нет... Парень спустился и, поравнявшись с нами, спокойно сказал:

– Спасибо тебе.

Его разные глаза – точно у демона или дворового кота – сверкнули.

– Неповторимая манера благодарить, – последовал столь же спокойный ответ. – Но ради меня еще не разоряли клумбы. Не за что. Только не забудь.

– Не забуду, – кивнул он и вынул из нагрудного кармана аккуратные очки.

– Тебе тоже... спасибо.

– Цветов не надо, – бросил он, уходя.

Новый глава партии Свободы даже не обернулся, но я была уверена, что он улыбается.

– Господи... ты покойник... – вдруг прошептала Элмайра.

Но тот, кому она говорила эти слова, уже скрылся из виду. Элм поднялась, сбросив на ступени несколько цветков:

– Холодно. Пойдем.

– Что это было? – я тоже машинально встала. – Твой новый...

– Старый друг. Ничего личного. Я просила коробку конфет. И кстати, ему жутко не идут очки.

Там, на ступенях, я впервые увидела Джея Гамильтона. Тогда я взяла себе один маленький красный цветок – маргаритку. Выборы состоялись. Через неделю Элмайра позвонила мне и возбужденно промурлыкала в трубку: «Детка... я нашла тебе работу мечты!»

Не знаю почему, но я никогда не спрашиваю Элм о двух годах «в другом замке». В какой-то момент я поняла, что она не хочет обсуждать эту тему, и пошла на попятную: я думала, мне будет все равно, но оказалась не права. Мне не просто не все равно, меня это ранит. Меня обижает ее молчание, увиливание, вранье. Если копнуть глубже – бесит то, что в ее жизни столько неизвестных мне переменных, а она делает вид, что это не так. Мой Мерлин пришел за мной. Но так и не вернулся.

Я гашу огонек, бросаю дневник на тумбочку и ложусь обратно на кровать. Мне определенно есть о чем подумать сегодня. Мыслей столько, что я могла бы открыть вклад, если бы их принимали в банках.

– Орленок...

Я слышу тихое царапанье по дереву и голос Элмайры из-за двери. Она никогда не стучит, а всегда скребет по поверхности ногтями: звук получается глухой, но я его узнаю – благодаря сформировавшейся за много лет привычке.

[Купить полную версию книги](#)

Все, что тебе нужно, – это любовь.

Любовь – это все, что тебе нужно...

Вольный перевод слов из песни «All You Need Is Love» (рус. «Все, что тебе нужно, – это любовь») группы The Beatles. – *Примеч. ред.*

*Но затем я всегда замечаю
Плохое в каждом человеке...*

Вольный перевод слов из песни «Blue Moon» (рус. «Голубая луна»), написанной в 1934 году композитором Ричардом Роджерсом на слова Лоренца Харта. Песня исполнена Ширли Росс в фильме «Манхэттенская мелодрама». – *Примеч. авт.*

*Маленький зал может быть ужасно пустынным,
А ночь может быть так длинна...*

Также вольный перевод слов из песни «Blue Moon». – *Примеч. ред.*